

Дарья Гущина

ВЕДЬМИН ПУТЬ

16+

Дарья Гущина

Ведьмин путь

Серия «Ведь мы – ведьмы!», книга 3

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57879904

SelfPub; 2020

Аннотация

Рада работает журналистом в мистическом журнале «ЭкзоТерра». В «магию» экстрасенсов она не верит, но верит в магию вообще и мечтает заняться расследованием реального мистического случая. И он появляется. В старой книге Рада находит странное письмо, а во сне встречается с ведьмой, его написавшей, – проклятой, угодившей в западню.

А после в реальный мир Рады врывается магия. Нечисть. Предсказания. Колдун-заклинатель. И – нападения. И если проклятая мечтает о помощи, то кое-кто против, чтобы о тайне её исчезновения узнал магический мир.

Раде предстоит пройти нелёгкий путь, чтобы раскрыть ведьмину тайну. Ведь в азарте поиска она забыла о главном: у мечты две стороны – светлая и тёмная. И вторая грозит смертельной опасностью тому, кто сунул нос в чужое дело.

Четвёртая книга цикла.

Содержание

Пролог	5
Часть 1: Город, которого нет	7
Конец ознакомительного фрагмента.	109

Все пути ведут к себе.

Альберто Виллолдо «Город Солнца»

Пролог

...Её считали сумасшедшей. Называли безумной. Смеялись, когда она называла себя другой. А она и была *другой*. Все ведьмы – как ведьмы, говорила она про себя с гордостью, а я – ключ. Ключ к забытой сакральной тайне.

И слава богу, что забытой.

Ведьма стояла, устало привалившись к стене дома. Ночной туман, жёсткая кирпичная кладка, первый зимний холод – и первый снег невесомой периной на разбитой мостовой. Очень ранний снег – октябрь едва ступил на порог осени.

И придёт время, когда всё будет так же. И те, кто несёт на своих крыльях ранний холод, пойдут по следу.

И сойдутся пути-дороги, и ключ вернётся в город.

Перебрав окровавленные лохмотья плаща, ведьма крепко сжала в ладони амулет. Нет, она не ключ. А ключница. Хранительница врат в тайное убежище стародавних ведьм. В убежище, где они скрывались от средневековых гонений, где хранили знания и артефакты, где учили и учились. Одну ведьму убьешь – потом три родятся, да без знаний они пшик. И ведьма берегла ключи к самому главному.

Она знала, почему хранилище спрятали. Не только из-за знаний. И понимала, что нет ничего вечного, и до здешних тайн захотят добраться.

Да не смогут. Сейчас не смогли, и после не получится.

Вынув ключ из-за пазухи, ведьма прошептала наговор.

Время смерти – время завещаний. Для той, что придёт следом. Войдёт в город. Увидит. Почует. Узнает. Поймёт. И сможет взять ключ.

Она будет такой же. Другой.

Артефакт упал на мостовую, и ведьма устало сползла по стене. Съежилась, обняла израненные колени. Кровь на свежем снегу. Холод по всему телу. Невесомое спокойствие в душе.

Они будут приходить, одна за другой. Притягиваться. И умирать. Одна за другой. Не первые, не последние. Но кто-то сможет выстоять. И не позволит тайне раскрыться. Кто-то, кто... Да, сначала – *увидит*. А после...

Ведьма улыбнулась.

До свидания.

Часть 1: Город, которого нет

Глава 1

Основное неписаное правило ведьмовства гласит:

«Делай не то, что хочешь, а то, что я тебе говорю».

Терри Пратчетт «Ведьмы за границей»

Работа не ладилась.

Я угрюмо посмотрела на разложенные заготовки амулетов. Соберись, пошепчи заговоры, прикрепи застёжки, начерти охранные символы, сбрызни кровью того, кому предназначается, и всё. Дел – на полчаса. Но – не ладилось. С самого утра. Амулеты валялись из рук, архивные записи, которые надо было изучить, законспектировать и оцифровать или перепечатать, рассыпались по полу... Крокодил не ловился. Кокос тоже не рос. И, призналась я себе, уже не первый день. А последние три года. С тех самых пор, как я вляпалась в нехорошую историю, и меня лишили главного – ведьминой силы.

Напоминая, заныла старая рана. На правом локтевом сгибе, там, где у обычной светлой ведьмы искрился под кожей и сиял, вырабатывая магию, «уголь» – средоточие и сердце стихийной силы, у меня темнел непроходящий синяк и кривой шрам «снежинкой», припорошенный искрящейся «золотой» – жалкими каплями былой мощи. Их хватало для за-

рядки амулетов – или агрессивную нечисть в подворотне припугнуть. Но вот для полноценной жизни и работы...

Надо погулять. Развеемся. И опять попробовать забыть. Хотя бы на час.

Я пообещала себе закончить работу... позже, тепло оделась, вышла на улицу и окунулась в странную атмосферу зимней осени – или осенней зимы. Снег на зелёной траве и пожухших цветах. Обманчиво яркое солнце, бездумно голубое небо – и влажный морозец в стоячем воздухе, облачка пара от горячего дыхания. Под ногами – свежий снег впере­мешку с жёлтой и зелёной листвой. Деревья и кусты, согнутые под тяжестью сырых листьев и снежных комьев. Внезапная зима в конце бабьего лета. Сумасбродная выходка сибирской природы. Странное, но отвлечение.

В вечернем сумраке лениво трепыхались мелкие снежинки. Я шла то тихими дворами, то оживленно мигающими и сигналищими улицами. Незаметная тень. Одна из тысяч прохожих. Тёмные джинсы, чёрная куртка с капюшоном, надвинутым на глаза, руки в карманах. Днём я худо-бедно с собой справлялась, но когда наступал вечер – и основное время моей прежней работы...

Парк пустовал. По прежде ухоженным аллеям – словно ураган прошелся. Снежный. Сломанные ветки на земле, нелепо согнутые стволы, россыпь зелёно-красно-золотых листьев на свежих сугробах. Обходя внезапные препятствия, я неспешно шла к пруду. Сейчас там точно не должно никого

быть...

Но кто-то был.

Я не дошла до берега десяти шагов и, споткнувшись о сломанную ветку, остановилась. Присмотрелась и юркнула за рябину, но поздно.

– Злата, иди сюда! – раздалось повелительное.

Если сама Верховная ведьма Круга и бывшая начальница пришла по мою душу – дело дрянь... Я неловко перепрыгнула через ветку и неохотно побрела по тропе к пруду. По его подмёрзшей и заснеженной поверхности с недовольными криками прыгали утки, охотясь за кусочками хлеба.

Я невольно ухмыльнулась. Поразительно... Главная ведьма округа отставила в сторону свои бесконечные дела и кормит уток... Длинное ярко-красное пальто, синие сапоги, перчатки и шарф, фиолетовая сумка и шляпка на светлых кудрях. Она всегда одевалась броско, попугаисто, выходя в «мир людей». Чем ярче выглядишь – тем меньше подозрений вызываешь, повторяла она часто. На тебя посмотрят, посмеются, но так и не догадаются, кто прячется за забавными масками и костюмами.

– Добрый вечер, Надежда Васильевна.

– Не ври, – отозвалась она, отряхивая перчатки.

– С вами я честна всегда – для вас-то вечер добрый, – я пожала плечами.

Она усмехнулась и достала из сумки очередную булочку. Я с тоской огляделась, мечтая скрыться, и поскорее, но...

Вокруг пруда – кольцо пламенеющих рябин, среди них – пять заснеженных тропок... И никаких шансов сбежать.

– Ну? – поинтересовалась Верховная, кроша сдобу. Утки оживлённо загалдели, толкаясь у берега. – Не спросишь, зачем я пришла?

– Соскучились? – предположила я мрачно.

– Нашла тебе подходящее дело.

– Правда? – «удивилась» я. – Опять амулеты?

– Нет, – синие глаза посмотрели на меня прямо и серьёзно. – Поедешь в командировку и кое-что разведаешь.

– Разгребая очередные залежи ценного информационного хлама? – с ответной прямоотой и серьёзностью уточнила я, зябко переминаясь с ноги на ногу.

– Прекрати паясничать и подумай над моим предложением, – Надежда Васильевна снова отряхнула перчатки и повернулась ко мне.

Мы с ней одного роста, одной худощавой комплекции, но она подавляла. Повелительным взглядом. И силой, с кровью струящейся по венам и вспыхивающей на левом локтевом сгибе не просто тёмным «углем», но мощным Пламенем, подвластным лишь Верховным ведьмам.

Я отвела взгляд и сухо сказала:

– Нет.

– Злат, послушай... – она коснулась моей руки.

– Надежда Васильевна, это изощренное издевательство. Ещё минуту я потерплю его из уважения к вам, но не боль-

ше, – я резко отступила. – Ни для каких командировок я не
гожусь, и вам это прекрасно известно. Я калека. Инвалид.
Не имеющей силы и ни на что не годный. И – да! – минута
прошла. Всего доброго.

Отвернулась, но Верховная уже стояла передо мной.

– А теперь засунь свои комплексы подальше и выслушай
меня, – велела она негромко, но в сонной тишине парка её
голос показался звонким и тревожным. – Я всегда ценила
тебя не за силу или умение ею пользоваться. И не за готов-
ность к любому делу. А за внимательность. Чутьё. Нюх на
проблемы. И за мозги, которые, надеюсь, у тебя не сгорели
вместе с «углём». И не атрофировались от бесконечного ны-
тья и страданий.

Очень хотелось нагрубить в ответ, но я сдержалась. Не от-
станет. Смириться, молча выслушать, кивнуть, уйти – и за-
быть. Хотя бы попробовать. Опять.

– Злата, хватит. Хватит сидеть по уши в своей трагедии и
пускать болотные пузыри, ненавидя весь мир и себя в нём.
Выбирайся из этой трясины. Я не трогала тебя... раньше, на-
деялась, что ты справишься. Выкарабкаешься. Вернёшься к
нам. Но ты после наказания стала такой ду... гордой, – и быв-
шая начальница осуждающе качнула головой: – Не надоело?
С потерей силы жизнь не заканчивается.

– А пойдите и выжгите свой «уголь», – предложила я ед-
ко. – А потом повторите свои слова с той же верой в светлое
ведьмино будущее.

Верховная тяжело вздохнула. Посмотрела на меня, как на дитё малое и несмышленное. Собралась разродиться очередным философским, поучительным и пафосным тезисом. Но не успела.

– Это не ваше дело, – отчеканила я и отвернулась.

Надежда Васильевна опять стояла передо мной и вид имела взволнованный. Сдвинув на затылок щегольскую шляпку, она примирительно улыбнулась:

– Конечно, моё. Ты же моя лучшая ученица, моя гордость...

– Была.

– Осталась и всегда будешь.

Видит бог, я терпела...

– Не заговаривайте мне зубы. Хватит. Говорите по существу. И уходите.

Верховная прищурилась, но я стойко выдержала подозрительный взгляд.

– В одном небольшом окружном городке пропадают ведьмы, – Надежда Васильевна взяла меня под руку и потянула по тропинке в парк. Под нашими шагами приветливо закрипел свежий снег. – И все пропавшие – такие же, как ты. Периферийные, исключенные или сами ушедшие из Круга. Отбывающие временное наказание или наказанные полным выжиганием «угля».

Я пропустила намёк – на то, что мне ещё повезло, мой «уголь» прижгли, «связали», и теоретическая возможность

возродить его оставалась, – мимо ушей. Возможность эта была призрачной и иллюзорно-обманчивой. И я давно в неё не верила. Вера – отвратительный друг: обещает, но ни черта не делает.

– Из нашего округа пропало трое, – продолжала она, – из соседних – общим числом пятеро. Но исчезнувших ведьм может быть и больше. Я отправила запрос наблюдателям, но они пока молчат.

Наблюдатели... Орган, надзирающий за нами со времён средневековья, очень редко делился информацией. Хотя именно они и должны наблюдать за оступившимися.

– А кто убивает? – сухо спросила я. – Подозрения есть?

– А кто говорит об убийствах? – Верховная глянула на меня лукаво.

– Вы же сказали – пропадают. Исчезают.

– Вот именно. А пропасть – не всегда умереть. И тебе ли, рождённой управлять пространством и временем, не знать, *как ещё* можно исчезнуть?

В душе шевельнулось нехорошее предчувствие... и забытый за ненадобностью азарт. Я отвернулась, но поздно. Верховная, конечно, всё заметила и наверняка поняла, что почти победила. И её голос, недавно сухо излагающий факты, сменил тональность, став мягким, уговаривающим.

– Мне нужны твои опыт и знания. И то, о чем я говорила прежде – ум, чутьё, внимательность. Это не жалость, Злата. Ведьм с твоей квалификацией не так много...

– ...и все заняты более важными делами у вас на побегушках, – не удержалась я. Жалость задела. – Плюс меня можно использовать как наживку. Что? – и подняла брови в ответ на укоризненный взгляд. – Неужто не подумали об этом варианте? Не верю.

– За тобой обязательно присмотрят, – туманно пообещала Надежда Васильевна.

– Значит, мысль с наживкой неплоха, верно? – заключила я весело. – И я похожа на обычного человека, то есть не наломаю дров, – ибо нечем.

– Вот здесь, – Верховная достала из сумки пухлый конверт, – билеты, адрес гостиницы и номер брони, список достопримечательностей, дела пропавших ведьм и деньги. Вернее, копии дел. А деньги настоящие. Даже если не поедешь – не возвращай. Они уже потрачены задним числом. Но я на тебя надеюсь.

– И поэтому не говорите всего?

Бывшая начальница улыбнулась:

– Расскажу, когда услышу твоё мнение. Да, у города есть тайна. Мы подозреваем, что есть. Понаблюдай, присмотрись, сделай выводы. Мне интересен свежий взгляд – на город, на его обитателей, на странности и обыденности. Я не зажимаю информацию, Злата. Я не хочу, чтобы тебя сбивало с толку то, что... Чего, может, и не существует. Что только *показалось*.

Она говорила деловито, словно я поеду... А я пока не ре-

шила. Не решилась.

– Посмотрим.

– Посмотрим... – повторила Верховная. Огляделась и с удовольствием вдохнула морозный воздух. – Милое место. А погода... Чудо!

А у меня начинали мёрзнуть ноги и руки. И вообще, темнеет, и пора по домам. Лишившись силы, я стала бояться тёмных переулков и одиноких ночных прогулок.

– На чашку чая, как я понимаю, напрашиваться бесполезно, – с улыбкой заметила Надежда Васильевна.

– Если бы вы пришли в другое время и с другим предложением, я бы не отказала, – ответила честно.

– Я скучаю по тебе, – бывшая начальница мягко сжала мой локоть. – Скучаю не по ведьме, а по человеку. Ты всегда была такой солнечной, светлой, отзывчивой, щедрой на случайные улыбки, тепло и доброе слово... И я надеюсь, что однажды ты вернёшься. И к нам, и к себе прежней.

Зря, едва не буркнула я, но промолчала. Не хватало ещё нарваться на нотацию, ввязаться в спор, а потом обнаружить себя в компании Верховной за чашкой чая и философской беседой о «быть или не быть», а если быть, то как... Хватит на сегодня.

– Провокация провалилась, – констатировала я, – давайте расходиться. Вы – человек занятой, а у меня, знаете ли, с некоторых пор режим.

Она снова посмотрела на меня как на дитё малое, с нот-

кой сожаления, и, кивнув, провела левой ладонью по воздуху, открывая портал в свой офис в краевой столице. Я наблюдала за ней с неприкрытой завистью и злостью на судьбу. Когда-то и я так умела...

– Злат, – тихо произнесла Верховная напоследок, – я ничего не предлагаю и ничего не обещаю. Ни следующих подобных дел, ни пересмотра приговора. Даже если докопашься до истины, даже если найдёшь возможного виновника пропаж... Здесь и сейчас я предлагаю тебе просто встряхнуться, отключиться от проблем и найти новый путь взамен потерянного. И вспомнить, кто ты. А ты – ведьма. Даже без силы «угля». Не забывай об этом. И береги себя.

Надежда Васильевна ушла, растворившись в морозном воздухе, оставив после себя облачка пара от последних слов и тающее мерцание охровой «двери». Я помялась, сжав в руке конверт, подождала – не то подставы, не то иного чуда – и быстро отправилась домой. Почти бегом, но всё такая же незаметная, как прежде.

Дома – в однокомнатной студии на окраине, что я снимала на «пенсию по инвалидности» плюс добавочные за «боевые заслуги», выбитые для меня Верховной, разумеется, из жалости, – было темно, холодно и отвратительно пусто. Яркий свет я не любила, обходясь торшером, отопление ещё не дали, а ждать меня некому. Кроме...

Включив светильник в прихожей, я с раздражением заметила, как моё отражение сменяется чужим, и руки дрогнули,

роняя конверт. Ненавижу...

– Привет, подруга, – улыбнулся из зеркала сутулый паренёк с зализанными назад тёмными волосами, высоким лбом и неприятно прищуренными бесцветными глазами.

– Сгинь, – огрызнулась я, снимая куртку.

– Ты поедешь, – заметил он невпопад.

– Исчез!

– Ах, какие мы сегодня нервные! – ухмыльнулось моё безумие. – А всё из-за совести, да? Говорят, порой она портит убийцам жизнь. Вон, Раскольников из-за неё на каторгу пошел, а ты...

– Заткнись! – я едва удержалась от желания швырнуть в изменённое отражение снятым ботинком. Не поможет, только чужое имущество испорчу.

– Ладно-ладно, – он миролюбиво поднял руки, – я пришёл, только чтобы сказать. Ты поедешь. Ты засиделась. Закислилась. Забыла, что значит быть ведьмой. Ты поедешь – и наживкой станешь добровольно, – лишь бы вспомнить. Забыться. И забыть.

Я молча отвернулась. Сняла второй ботинок, поставила обувь на полку и подняла конверт. Замёрзшие без перчаток руки покраснели и мелко тряслись. Поеду – не поеду, какая разница...

– Ушёл, – попросила я устало.

Парень помедлил – и растворился в зеркальном отражении прихожей. Я почувствовала, как мой затылок перестал

буравить чужой взгляд, и обернулась. И снова – я. Длинные ярко-рыжие волосы, собранные в неряшливый хвост, лицо – в крупных веснушках... и не только лицо. «Солнышко тебя поцеловало», – говаривала Верховная. А я думала, что поцелуями дело не обошлось. Солнышко меня изнасиловало, со вкусом, не раз и без фантазии.

Погасив свет в прихожей, я прошла на кухню, включила чайник и взобралась на подоконник. Квартиру неплохо освещали многочисленные многоэтажки-«муравейники», уличные фонари, мерцающий серебристый снег и собственно чайник. Обняв колени, я бездумно смотрела то на улицу, то на лежащий передо мной конверт, то на слабое силуэтное отражение в тёмном окне. Сейчас – опять меня. Пока...

Эта дрянь обнаружилась три года назад. После острых приступов вины, ужасов с прижиганием «угля» и ярости от потери силы и привычной жизни я впала в отчаяние, спряталась от мира, разговаривала только с собой... И так и обнаружила – что не только с собой. Кто-то из наблюдающих об этом прознал, доложил Верховной, а она сразу собрала консилиум.

Через два месяца исследовательских пыток и бесконечных изучений ведьмы, работающие со сферой души, постановили: я не одержима ни духом убитого, ни чьим-либо ещё. Но из-за шока и затяжного стресса слегка тронулась умом, и у меня развилось оригинальное раздвоение личности. Пассивное, безопасное и статичное. Сформировавшись в некий

«рудимент», частичка моей личности и души застыла в одном образе, никак себя не проявляла (кроме глупых разговоров через отражающую поверхность) и не эволюционировала. К счастью. И от меня отстали, велев раз в полгода проходить осмотр. Во избежание.

Говорят, совесть – это умение выносить мозг самому себе. А я ухитрилась вынести не только мозг. Без анестезии провела трепанацию души, а исцелиться после не смогла.

Конверт притягивал, но я стойко его игнорировала. Заварила травяной чай, нашла в буфете пару последних пряников и вернулась на подоконник. Снова посмотрела на конверт и вздохнула. Глупо в моём положении ждать чуда, но что-то внутри его ждало. И рефлексy ждали, что вот-вот из «угля», источника ведьмовской силы, появится первая информация – о прошлом, настоящем и немного о будущем... Но он иссяк, доступ к чудесам прижгли... А значит, пора спать. И жить, как прежде.

Открыв окно, я без сомнений швырнула подачку Верховной в снежно-осеннюю ночь. Магическая вещь всегда возвращается к своему хозяину... Захлопнув оконную створку, я одним глотком допила чай, разделась, разгладила сбитые за ночь простыни и легла спать.

Доброй ночи, Злата... Нет, врать нехорошо. Просто ночи. О том, что что-то может быть добрым, я давно и успешно забыла. На всякий случай.

...Первая метель танцевала на узкой улице, срывая с деревьев зелёные листья, путаясь в жухлой траве. Тёмная сгорбленная фигура сидела, привалившись к стене дома, обняв колени и запрокинув голову. Потрескавшиеся губы, белое лицо, лохмотья плаща, босые ноги. Кровь на свежем снегу.

Я подошла ближе, и фигура шевельнулась. На меня уставились глаза – чёрные, бесконечно уставшие, голодные, сумасшедшие. С минуту мы молча смотрели друг на друга, а потом она пробормотала:

– Уходи. Уходи отсюда. Не смотри. Не видь. Ты не та. Не надо тебе здесь быть и меня видеть. Слышишь? – и истошно взвизгнула, приподнявшись: – Пошла прочь, коли жизнь дорога! Убирайся!..

...и я проснулась. Комнату заливало обманчиво тёплое солнце, одеяло валялось на полу, и страшно хотелось пить. А руки и ноги были ледяными, словно...

Сев, я обняла колени. Не может быть... С «углём» я потеряла способность – и право – видеть сны-предвестники. И ладно, сон про будущее, такие и обычные люди видят. Этот сон – из прошлого. Я насмотрелась их предостаточно, чтобы распознавать мгновенно. Старое, очень старое прошлое, не один год минул...

Подтянув одеяло, я поправила подушку и выругалась. Из щели в наволочке выглядывал приснопамятный конверт. Дражайшая Надежда Васильевна, чёрт бы вас побрал... И

руки зачесались взять. Распечатать, проверить догадку о сне... Я закрыла глаза и восстановила картинку – дом, фигура, метель. Сосредоточившись, прочитала и адрес – Дружбы, 13. А что если...

Едва я взяла конверт, как на белой бумаге проступили слова – область, название города, адрес гостиницы. Открыв ноутбук, я завернулась в одеяло и пошла на «кухню». Включила чайник и вернулась обратно. Запустила браузер, набрала в поисковике название города и адрес. И сразу, по первой же ссылке, нашла городскую легенду.

«Она пришла с первой метелью – никому не знакомая, безумная старуха» – начиналась статья. Весь день бродила по городу, оборванная и босая, то бормотала, то кричала, а потом устроилась на ночь у дома по адресу Дружбы, 13, и утром её нашли мёртвой. Замерзшей в сугробе. И в этот же день в город пришли беды. Сначала пожары, следом – болезни. А потом стали умирать нерождённые дети.

Я нахмурилась. Обычная ведьмовская кара. Проклятье на тех, кто проходил мимо и не помог. Повезло, что появился кто-то из наших и ликвидировал угрозу. Но люди сообразили, что к чему, и теперь на месте смерти ведьмы стоит памятник. Вернее, сидит, запрокинув голову и с тоской глядя в небо. Памятник Черствости и Бессердечию. Напоминание, что все мы люди, и любой может оказаться незнакомцем в чужом городе, голодным и обезумевшим, потерявшим себя.

Придирчиво рассмотрев памятник, я натянула на плечи

одеяло. Не один в один с приснившимся, но точно... одно к одному. И то ли магия конверта навеяла, то ли... Конверт «ощутил», что про него вспомнили, зашелестел и упрямо пополз ко мне. И опять руки зачесались – проверить... Но вскрыть – значит согласиться... Едва я надорву бумажный край, как Верховная получит сигнал.

И я ушла пить кофе. Сварила, побродила по квартире неприкаянным призраком в светлом одеяле и с кружкой в руках, прислушалась к навязчивому шелесту конверта-преследователя и снова помянула «добрым» словом бывшую наставницу. И так нервная и злая, а если эта дрянь будет бегать за мной по пятам...

Но бывшая начальница привыкла добиваться своего – не мытьём, так катаньем. У меня есть амулеты, высасывающие из предметов силу, сжигающие, замораживающие... Но вряд ли они одолеют магию Верховной ведьмы Круга. Увы. А сколько я выдержу? К обеду точно начну сжигать и взрывать. Да, безрезультатно, просто из принципа.

Умывшись и одевшись, я в крайне дурном расположении духа ушла из дома – погулять, в магазин, отдохнуть от конверта и подумать. Солнце спряталось, повалил мокрый снег, и я надолго застряла в кафе за обеденным «завтраком». Сидела у окна, грея ладони о пузатую кружку с имбирным чаем, наблюдала за суровой व्यугой, мешающей зелёные листья и крупные снежинки, а перед глазами стояла приснившаяся старуха. Кому она говорила то, что я слышала, – мне или?..

И почему ей не помогли?..

Как обычно, на меня тарасились все, кому нельзя, отвлекающая и раздражая. Прежде моя рыжая «заметность» была на руку, но не теперь. Какой-то хмырь в узеньких клетчатых штанишках даже рискнул кофе угостить. На следующий подвиг его, к обоюдному счастью, не хватило. Устав собирать любопытные взгляды, я расплатилась и отправилась домой. К конвертику.

Говорят, отчаявшихся надежда сводит с ума... Кажется, Верховную не зря назвали так многозначительно.

По дороге домой я вертела вариант поездки и так, и эдак, и всё равно он казался очень сомнительным. Интересным, полезным, но... Я же под надзором. Шаг влево – шаг вправо – расстрел, а прыжок приравнивается к побегу. Оступлюсь – лишусь и остатков «угля», и остатков надежды. Без «угля» ведьмы живут год-два, не больше. А на «золе» силы и редких искрах я проживу отмеренные всем ведьмам природой сто пятьдесят лет.

Вот только жизнь ли это?

И что лучше – рискнуть «сгореть» за интересным делом или провести остаток жизни, беседуя со своим «рудиментом» о смысле жизни и указывая, куда ему пойти?

И ответ ясен, но...

Значит, вы по мне скучаете, Надежда Васильевна?

Конвертик преданным пёсиком ждал у порога, только что «хвостиком» не вилял. А вот цвет чернил сменился: утром

адрес был написан чёрным, теперь – красно-коричневым. Не значит ли это, что время конверта ограничено? Ах да, билеты. Мне же купили билеты. А если они протухнут? И что, интересно, ещё в конверте есть со сроком годности?

Я распланировала остаток дня и бодро занялась делом. Рагу, уборка, пирожки... И шторы стирались в лучшем случае год назад. Помыть лоджию и холодильник, и не мигай мне тут красным под испанскую гитару, зараза, я тоже упрямая... Душ, пижама, халат, какао. Фейерверк. Мы так плохо живём, что каждую пятницу – в честь выходных, не иначе – ночью с небес водопадами сыплются разноцветные огни, и во дворе светло, как днём. Красота. Смотрела бы и смотрела...

Конверт из белого стал ядрёно-красным, лишь чернила горели злобным золотом. Я безмятежно любовалась салютом и косилась на конверт, представляя, как кипит Верхонная – в красках и с удовольствием. А сама уже понимала, что поеду. К чёрту эти тупые посиделки в архивах да за артефактами. И к чёрту страхи и сомнения. Я – ведьма. И я не могу без любимого дела.

Вернувшись с балкона в комнату, я прошла на кухню, «по-злила» конверт и собралась с духом. Довольно гнить и протухать, была – не была... Взяв конверт, я резко оторвала боковой край, и на стол посыпались бумаги. И что-то тихо звякнуло. Да ладно...

Разворошив карты, билеты и документы, я нашла браслет. Скромная, узкая серебряная «змейка», носится на предпле-

чьё. Кончик «хвоста» – к локтю, и в суровое время у меня будет немного магии. На два-три заклятья... но будет. Верховная лично заговаривала – сила к силе, магия к магии, «уголь» к «углю», и этот наговор работает ровно сутки. До утра максимум браслет меня примет, а не успею... В лучшем случае не отзовётся, в худшем – рассыплется трухой.

Вот спасибо, не беспомощным младенцем в омут, чтоб поплыл... Не запрещенный искусственный «уголь», но тоже кое-что.

Разобрав бумаги и обнаружив, что на всё про всё мне отведено два дня, я быстро их распланировала. Доделать амулеты, закончить с архивными делами, сдать ценные бумаги... Собраться. А что брать? Я привыкла в командировки летать – метлой и налегке. Всё необходимое покупала на месте – и зарплата позволяла, и тряпки часто приходили в негодность. А сейчас...

А впрочем, будет день, и будет пища.

Соображу по ходу пьесы.

Глава 2

Магия позволяет решать множество проблем, но и создаёт их не меньше.

Джоан Роулинг «Сказки Барда Бидля»

Уютно пели колёса поезда, и пахло чаем.

Закрывшись в купе, для меня одной предназначенном, я

удобно устроилась на верхней полке и внимательно изучала документацию. Едва сев в поезд, я обнаружила в багажном отсеке сумку – привет от Верховной, с «реквизитом», легендой и напутствиями. И, конечно, не удержалась от соблазна. Ехать – двое суток, а я так давно не работала, что сразу и нервно приступила к делу.

От изучения легенды-роли отвлёк телефонный звонок. Достав сотовый, я улыбнулась. Натка. Мама.

– Алё, Златуся! – заверещала она звонко, едва я взяла трубку.

Я насторожилась. Это ненормально... «Мимимишками» Натка не страдает. И не шибко разговорчива, больше слушает. А она заливалась соловьем:

– Ты в дороге, да? Верховная добилась своего? О, конечно, я всё знаю! Чтоб я не знала, как у дочи дела! Куда едешь? А когда на месте будешь? – трещала Натка, глотая окончания. – А зачем, расскажешь? Или это страшный секрет Круга?

Я попыталась вставить хоть слово – то же «привет», но...

– Ты замаскировалась, надеюсь? Ты, несуразность рыжая, слишком заметна, а это вредит делу. Кроме, конечно, того, когда на тебя твой бывший парень запал – этот, из наблюдателей. Но теперь-то тебе приключения не нужны, верно? Волосы покрась в чёрный. Нет, лучше в белый. И пудры побольше! И...

– Нат! – не выдержала я, наконец сообразив. – Ты что,

опять беременна?

А в ответ – тишина. Только тихое сопение. Ну, точно...

– Когда? – сурово спросила я.

– Не знаю... – Натка шмыгнула носом.

Не успела обрести черты одна проблема, как проявлялась вторая.

– А за пацанами кто присмотрит?

Она только вздохнула.

– Так, – я посмотрела на часы. – Давай-ка на этом остановимся. Проревись, успокойся и перезвони. Порядок действия запомнила?

– Угу, – Натка снова шмыгнула носом и послушно положила трубку.

Я бросила сотовый на подушку и невидяще уставилась в окно. Чёрт...

Натка, моя приёмная мать – нечисть. «Лиса». Мне было четыре, когда на нас с мамой напала спятившая нечисть – по документам «паук», а на самом деле... Останки опознанию не поддавались. Мама погибла. Натка находилась рядом и бросилась на защиту ребёнка – для нечисти чужих детей не бывает. А в ярости «лисы» страшны – разорвала противника на лоскуты, распустила на нитки, выпила силу нападавшего и поглотила душу. И забрала меня к себе. Маленький городок – почти деревня, даже документы оформлять не стали. Отец и остальная родня если и существовали в природе, то признаков жизни никогда не подавали.

От меня ничего не скрывали: да, нечисть, да, немного колдовать умеет, да, такие «волшебные люди» существуют. А я без неё боялась даже на улицу выходить. Пока мне не исполнилось тринадцать лет, и не проявилась сила ведьмы. Когда же Натка поняла, кого пригрела, было поздно.

«Лиса» – редкий и опасный вид нечисти. Она пряталась от ведьм больше ста лет, но когда на первый выплеск моей пробудившейся силы нагрянула сама Верховная, сбежать не успела. А я отказывалась уезжать в неизвестный и страшный Круг, в огромный и чужой город, без своей приёмной матери. Моя будущая наставница договорилась, с кем надо, и Натке дали патент и позволили жить рядом со мной – под строжайшим надзором, но жить. И растить детишек.

Спустившись вниз, я нервно прошлась по купе взад-вперёд. Беременной она раскисала, становилась чувствительной, плохо соображающей и злой. Инстинкт сохранения рода требовал рвать на части всех подозрительных, а подозрительной в такие моменты становилась даже я. Даже оба её родных сына. Однажды Натка соберётся и уйдёт... подальше. И пара несовершеннолетних оболтусов останется без присмотра и контроля старшего рода. И это плохо. Особенно для меня. Из-за их проделок я и лишилась самого главного – силы. И не дай бог...

Наверху тихо завибрировал телефон.

– Да, Нат? – взяв сотовый, я села на нижнюю полку.

Она снова засопела в трубку.

...а о том, что родная мать – бывшая ведьма Круга, а я – потомственная в восьмом поколении, я не знала до последнего. Видимо, мама хотела рассказать, когда сила проявится, но... не сложилось. Сама она никогда не колдовала – выгорела на работе, как потом объяснили. И сбежала от мира ведьм... как и я.

– Нат! – повторила я и быстро добавила: – Пацанов своих мне не всучивай!

...из-за них я всё потеряла.

– Нет, не всё, – возразила Натка невозмутимо. – Я их не оправдываю, они очень виноваты... Но я уже не раз тебе говорила: жизнь с потерей силы не заканчивается. Тебя лишили только четверти возможностей. От остального – мира магии, Круга и своего мужчины – ты отказалась сама. Да и от себя – тоже. И...

– Не будем об этом, – перебила я сухо. В оконном отражении опять померещился «рудимент», и я отвернулась. – Пристраивай своих охламонов по заклинателям. Я умываю руки.

– Дочь, да я звоню-то не из-за мальчишек, – вздохнула приёмная мать. – А за тебя порадоваться. Что ты из раковины из своей вылезла. И взялась за дело. Давно пора.

Я смутилась.

– Какая у тебя легенда?

– Фотограф. Некий клуб любителей истории и старинной архитектуры нанял меня, чтобы собрать фотодосье на мел-

кие купеческие города, – я инстинктивно перебрала бумаги. – Дескать, столичную архитектуру рассматривают со всех сторон, а мелкие сибирские городки, сами по себе являющиеся памятниками архитектуры, изучать никто не хочет. Буду бегать с фотоаппаратом и создавать видимость бурной деятельности. И – нет, я не красилась и не собираюсь. Шапки хватит.

Натка одобрительно хмыкнула, помолчала и задумчиво произнесла:

– Странное это дело, дочь. Я иду за тобой по следу, тянусь, смотрю, и многое мне не нравится. В городе. В деле. Да и в тебе.

А я-то что?..

– Боишься. Слишком боишься. Успокойся. Ты справишься.

Даже на таком расстоянии ей хватило силы воздействия – мягкая «лапка» провела по моим волосам, скользнула по позвоночнику... И мне сразу полегчало. Внутри словно невидимые узлы развязались, и тело расслабилось. И напряжение отпустило. И поверилось.

– Спать ложись, – посоветовала она. – Успеешь начитаться. Выспаться впрок полезней.

– Нат, – я вернулась к прежней тревожной теме. – Когда тебе рожать?

– Не знаю, – повторила приёмная мать. – Это всегда неожиданно – может, через месяц, а может, через год. Будто

ты не в курсе. Смотри сколько сил потребуется малышу для выживания. Но пока есть время, я подстрахуюсь. С заклинателями договорюсь, с ведьмами... Не переживай. И будь осторожна.

– И ты. Ночи, Нат.

– Уже скорого утра, дорогая, – она улыбнулась. – Созво-
нимся.

И ни о чём больше не спросила. А я не стала рассказывать – ни про поручение, ни про пропавших ведьм, ни про сон. У Натки есть свои тайные тропы к необходимым знаниям, в которых я так и не смогла разобраться. «Лисья» сила – увидеть «объект», обнюхать следы – и понять, куда и к чему они приведут. Но раз она ни о чём не предупредила... Вероятно, я зря боюсь. Просто не по себе, раз впервые за три года вышла из зоны комфорта.

Отложив бумаги, я взобралась на полку с ногами и уставилась в окно. Заснеженные поля, посеребренные полной луной, одинокие хутора, мигающие скудным оконным светом, чёрные полосы далёкого леса, моё сумрачное отражение.

...может, Натка права, и не всё для меня потеряно. Может, права и Верховная – занимаясь делом, я открою в себе новый источник силы. И жизни, какой бы отвратительной она ни казалась. Ведь однажды что-то не позволило мне совершить глупость – без метлы и страховки рухнуть с высоты в звёздную ночь. И сейчас появился шанс найти это «что-то», вцепиться в него руками, ногами и зубами, чтобы вернуться, ес-

ли не к себе... то просто к прошлому. Посмотреть на него со стороны, оценить масштабы разрушения, найти уцелевшее. И понять, что, не считая «рудимента», образовалось ещё.

За стенкой зашуршали соседи. В соседнем купе ехали куда-то две парочки. Весь день они пили коньяк и вели задушевные «поездатые» разговоры, к вечеру уснули, а сейчас проснулись и завозились. Зазвенели рюмки, и под аккомпанемент колёс зычный мужской голос затянул: «Чёрный во-о-орон, что ж ты въ-о-о-ошься-а-а...». Я отключилась от размышлений, слушая и проваливаясь в сон.

– Почему ты уходишь?

Альберт смотрел прямо, ясно, без труда читая мои мысли. Все, до единой, я ведь сняла защитный амулет. И всё понимал. Но зачем-то требовал ответа, хотел услышать. А я не могла найти слова. И силы. Прежней решительности – как не бывало.

– Сам знаешь, – я отвела взгляд и крепче сжала ручку чемодана.

– Решила за нас двоих, и моё мнение тебя не интересует? И не учитывается?

Я осмелилась поднять взгляд и тут же отвернулась:

– Себя и Круг я уже подвела... больше никого не хочу. Не настаивай. Зачем тебе такое... позорное пятно на репутации и в досье? Тебе прочат место в Совете наблюдателей, а я... – и резко сменила тему: – Ты был прав, когда говорил,

что связи с нечистью до добра не доведут. Доволен?

— Однако от них ты не отказываешься, — заметил он так же резко. — Такси вызвать?

Да, неба и метлы меня лишили вслед за «углём»... Один — один.

— Не стоит, — я подняла чемодан. — Отпусти. Как прежде уже не будет, а как иначе... я не знаю. Не умею. Не злись, — попросила тихо. — Прости. И не надо помогать.

Пора привыкать делать всё самой.

— Позвони, как доберёшься.

Знал же, что не позвоню. И я знала, но зачем-то кивнула, обещая. И даже смогла улыбнуться. Подхватила тяжёлый чемодан и...

— ...туалет закрывается! — бубнил монотонный голос. — Через полчаса остановка, и туалет закрывается!

Я тряхнула головой, прогоняя остатки тяжёлого сна. Прислушалась, села и схватила со стола пакет с умывальными принадлежностями. Семь лет дружной совместной жизни, а погрустить, вспомнив, некогда — скоро остановка, и туалет закрывается. Не до сантиментов. Я собрала волосы в высокий хвост, обулась и вышла из купе. Люблю дорожную жизнь — реалистичная романтика, и только и успевай всё успевать.

Серый чемодан, тот самый, лежал открытым на нижней полке напротив. Вернувшись после очереди в заветное заведение и умывания, я без аппетита сжевала «Доширак»,

выпила чаю, посмотрела на бумаги и решила, что завтрашний вечер – мудренее сегодняшнего утра. Приеду, осмотрюсь и решу, что делать и как быть. А пока, действительно, выплусь. На месте мне всегда было легче работать, чем заранее.

И до вечера я спала с короткими перерывами на поесть и послушать очередной романс от соседа-певца. И слушала с удовольствием, пока он не запел зачем-то «Я ехала домой...» Едва услышав затравочную фразу, я достала сотовый, надела наушники, включила инструментал и снова уснула.

Все три «наказательных» года я так ужасно спала...

Город плыл в низком тумане – тоскливый каменный прирзак из забытого прошлого. Низкие, пришибленные дома, закутанные в вечерний сумрак, тусклые фонари. Поезд замедлял ход, а я сидела, одетая и собранная, и ожидала прибытия. Картина за окном не радовала. Что я здесь забыла?.. Себя?.. Время покажет.

Поезд остановился. Я перекинула через плечо кофр и подхватила чемодан. Сходила только я, остальные – полвагона – толпились, чтобы выйти покурить да сгонять за пивом. На перроне – ни души, кроме проводников, ни встречающих, ни провожающих. Первый путь, одинокий киоск, низкое и обшарпанное здание вокзала, некогда зелёное, а нынче страшное. И ни табло, ни носильщиков. А такси-то здесь есть?..

Внутри вокзал оказался ещё страшнее: пара унылых киос-

ков, старое табло, облезлые стены, «подмигивающее» освещение и никаких сидений, указателей и средств для ловли террористов. Темень, сырость, угрюмость и крайняя неприветливость.

Посмотрев на часы, я занервничала. Семь вечера. Туманные сумерки и стремительно надвигающаяся ночь. Незнакомый город. Таинственное и гиблое для ведьм место. Скорее, в общем, до гостиницы...

Я пересекла крошечный зал ожидания и вышла на при вокзальную площадь. Ну, как «площадь»... Бетонные заборы со стороны путей, скудное двухфонарное освещение и дворик три на четыре метра у заснеженной дороги, через которую начинались жилые дома. Автобусов, маршруток или такси, конечно же, не было. Частников – тоже.

Глухая провинция...

Остановившись под фонарём, я достала из кармана куртки карту. До гостиницы – три квартала... И перехватила чемодан поудобнее. Можно, конечно, вернуться в здание вокзала и поискать там хоть одну живую душу да расспросить, узнать телефоны службы такси... Но чутьё подсказывало, что лучше добираться самостоятельно. Оделась я, как обычно, неброско, волосы спрятала под чёрную шапку, но – приезжая. Одинокая и молодая с виду девица с чемоданом. Кто знает, какой тут народ...

Запомнив направление, я бодро перешла через дорогу и двинулась к гостинице. После тёплого купе морозная сы-

рость пробирала до костей. На узких улицах лежал снег вперемишку с зелёными листьями, с крошечных балконов-для-цветов капало за шиворот. Двухэтажные кирпичные дома с полуподвальными этажами чередовались с покосившимися бревенчатыми «памятниками деревянного зодчества». А между ними – скудно освещённые сумеречные дворики, огороженные коваными заборами, заросшие кустами, тополями и берёзами.

Чемодан, подпрыгивая, грохотал колёсами по припорошенному снегом старому асфальту. Я торопилась, скупно глядя по сторонам. Завтра осмотрюсь, сейчас бы дойти, и быстро...

Гостиница мало чем отличалась от других домов, даже вывески не было. Двухэтажное кирпичное здание на набережной, высокое крыльцо, витые чугунные перила, лапы плакучих берёз у зашторенных окон и над крышей. Остановившись, я перевела дух, нашла взглядом номер дома, освещенный бледным светом фонаря, и подняла чемодан. Добралась... Туманная пустота города и озадачивала, и пугала. Вроде, всего-то восемь вечера, а народу – ни души. В больших городах в это время жизнь только начинается, а здесь...

На мой звонок долго никто не отвечал и свет в тёмных окнах не зажигал. Держа ладонь на кнопке, я огляделась. Заснеженная брусчатка старой набережной исчезала в тумане, поглощавшем свет фонарей, над речкой стелилась седая хмарь, в десяти шагах от гостиницы виднелся костлявый си-

луэт моста. Наверно, летом тут полно народу... если он вообще есть в этом странном городишке.

За время марш-броска я вспотела, а сейчас, несколько минут постояв на месте, начала мёрзнуть. Из рта при дыхании вырывался пар. Наверно, минус два-три градуса, но так сыро и мерзко... И снег пошёл. Замелькал крупными хлопьями в высохшей зелёной листве, заплясал в свете чугунных фонарей у крыльца. Распечатка с номером брони и телефоном гостиницы лежала в заднем кармане джинсов, но, подпрыгивая на крыльце в ожидании чуда, я усомнилась, что здесь есть сотовая связь. И интернет. Людей-то не видать.

Ослепив, неожиданно и ярко вспыхнуло ближайшее окно. Я вдруг подумала, что сейчас мне навстречу выйдет представительная дама в кринолине, парике, с канделябром... Ладно, не в кринолине – для него поздновато, но в кружевном пеньюаре, бархатном халате и с нарумянено-напудренным лицом. А вышла, с трудом открыв тяжёлую дверь, девчонка лет шестнадцати, в пуховике поверх широкой фланелевой пижамы и войлочных чунях.

– Здравсье, – зевнула она. – Проходите.

Высокая для своего возраста, волосы удлинённым чёрным каре с розовыми кончиками, левый висок выбрит, левая бровь и нижняя губа проколоты.

– Меня Анжелой звать, – простодушно поведала девица. – А вас?

– Злата, – я подняла чемодан, показавшийся очень тяже-

лым. – Добрый вечер. У меня забронирован номер.

– Сегодня заселение? – и она снова зевнула в ладошку, демонстрируя безупречный чёрный маникюр.

– Да.

Холл был крошечным, квадратным и ледяным. На высоком потолке горела старинная люстра. Сквозь облупившуюся краску на стенах проступала кирпичная кладка. Пара дохлых драцен, плотные шторы в пол, старый палас и пара кресел со столиком – вот и всё «убранство». Коридор, застеленный вытертой багряной дорожкой, убегал влево и вправо от холла, прячась во тьме.

– Пойдёмте, – Ангела заперла входную дверь, достала из кармана пуховика вполне современный сотовый телефон и выключила свет.

Мы прошли по левому коридору вглубь, следуя за подсветкой от телефона, и остановились у последней двери. Дальше – тёмная площадка и лестница наверх. Девушка толкнула скрипучую дверь, и мы оказались в приятном полумраке. Комнатка небольшая, но теплая. Обогреватель, маленький холодильник, диван, наспех застланный пледом, ноутбук с подключёнными наушниками. Плотно зашторенные окна и старинные стол с парой стульев. Всё освещение – тусклый торшер у стола.

– Чаю хотите? – она сразу включила чайник. – Садитесь пока и давайте паспорт.

Я оставила чемодан у двери, с недоуменным любопыт-

ством изучая пометы старины и современности. У ближней стены – громоздкий комод, поцарапанный и покосившийся, а на нем – микроволновка и плита с двумя конфорками. Современный чайник на высоком овальном столе, стулья с резными ножками, а на спинках – модно рваные джинсы со стразами, крошечный кожаный рюкзачок с заклепками... Старинную кладку стен закрывают постеры с солистами популярных рок-групп.

Сняв куртку, я села на стул и вынула из кофра подложные документы. По реальному паспорту ведьмы среди людей никогда не работают – порой у нас слишком большая разница между фотографией и датой рождения. Ангела села на диван, поставила на колени ноутбук и деловито защелкала мышкой.

– Ваш номер – пятый, – доложила она наконец и отставила компьютер. – Сейчас, ключи найду... Есть хотите?

– Очень, – призналась я и полезла в кофр за влажными салфетками.

От «Доширака» уже тошнило, а кроме него есть только крекеры. Хрен редьки не слаще.

– Завтрак, обед и ужин всегда здесь, в холодильнике, я дверь не запираю, – девчонка встала и неспешно захлопала ящиками комода. – Посуда вот тут. Заходите, ешьте. Правда, готовлю я не очень... Зато всё рядом и горячее. Ближайший типа рэсторан, – протянула она со странным акцентом, – а вообще-то стрёмная столовка – через реку, на другом конце

города. Ещё есть две пивнушки – типа кофэйни и пабы. Но там только фигню какую-нибудь нальют.

Через две минуты Анжела поставила передо мной тарелку с макаронами по-флотски и кружку для чая. «Не очень» оказалось вполне даже очень. Пока я наливала чай, девица села напротив, исподтишка изучила меня и заметила:

– Вы поди столичная? – и с уважением посмотрела на мои руки, унизанные кольцами-амулетами. – Не мешают фоткать? Вон там, в корзинке, пряники. Берите.

– Нет, снимать не мешают, только обрабатывать, – я согрелась и расслабилась. – Кроме меня постояльцы есть?

– Есть, – Анжела сначала удивила положительным ответом, а потом цифрой, – пятеро, – и пояснила с гордостью: – Вы не думайте, что у нас глушь, у нас интересно. Дома старинные, мосту – триста лет... Хотите, экскурсию завтра проведу? Триста рублей и фотки на аватарку. А еще у нас комната ведьмы есть, самой настоящей. Хотите, покажу? Здесь, в гостинице. Сто пятьдесят рублей.

А она молодец, хваткая...

– Разве тебе в школу завтра не надо?

– На каникулах? – фыркнула девица. – Вот ещё!

Ах, да, людские правила...

– А взрослые в гостинице есть?

– Бабуля, – она устроилась на стуле, поджав ногу. – Это её дом. Приболела вот, спит. Но вообще она старенькая, я всё делаю – и убираюсь, и готовлю, и заселяю, и выселяю.

– А родители? – я налила себе вторую чашку чая.

Анжела пожала плечами и с отрепетированной, натянутой небрежностью ответила:

– На Кубани. Я оттуда. Раньше приезжала только на каникулы, а теперь вот... решила остаться.

– Свобода от родительской опеки? – я улыбнулась.

– Шарите, – она одобрительно щёлкнула пальцами.

Скрипнула неплотно прикрытая дверь, и в комнату просочилась кошка. Мелкая, тощая, полосатая... необычная. Сев, кошка принюхалась, уставилась на меня, а взгляд отсутствующий.

– Это Рунка. Руна. От ведьмы осталась. Она тут жила года три назад. Приехала зимой и через неделю пропала. Ведьма, – пояснила Анжела. – Мы заявление подали, а без толку. Не нашли. Хотели её вещи вынести, но не смогли – они назад возвращались. Утром в коробки соберём, снесём в подвал, а к вечеру они опять в комнате, на прежних местах. Не верите? А я правду говорю! На экскурсии все одну вещь берут, прячут где-нибудь или с собой носят, а ночью она исчезает и на место возвращается. И кошка вот осталась. Только вы её не трогайте. Она не любит чу...жих, – девица запнулась и протянула: – О-го! Может, и вы ведьма?

Кошка подошла и потерлась о мои ноги, позволила почесать себя между лопаток.

– Может, – я усмехнулась. – И на обе экскурсии согласна. И... о других постояльцах не расскажешь?.. Кто здесь,

зачем? Просто интересно.

– А чё ж нет? – согласилась она, недоверчиво наблюдая за ласкающейся Рункой. – Понимаю: мы ж не в Питере, да и не сезон вроде как, чтоб народу столько... Один дедок – художник, живёт в первом номере. Не то вырос тут, не то служил. Мост рисует. Во втором номере – молодожёны. Приехали с десятью чемоданами костюмов – фильм и фотки делать, под старину. В третьем номере – какой-то парень. Мутный такой, фиг знает, зачем приехал. Неделью живёт, а я его вообще не вижу, закрылся и спит. Мы с бабулей придумали еду под порогом оставлять – ну, проверять, не помер ли. Так всё съедает. В четвёртом номере – женщина, местная, типа писательница. Сбежала от детей роман дописывать. Пятый вот ваш. Седьмой – ведьмы.

– Спасибо, – поблагодарила я, вставая. – И ещё вопрос. У вас всегда так рано спать ложатся?

– Не, это из-за тумана, – Анжела тоже встала и взяла для «подсветки» сотовый. – С ним призраки приходят. Поэтому мы даже свет не включаем, чтобы они не видели, куда идти. И вы не включайте, – посоветовала серьёзно. – И шторы задвигайте, если хотя бы компом пользуетесь.

И, провожая меня до номера на втором этаже, она шёпотом пересказала очень распространённую в сибирских городах легенду. Дескать, на костях город стоит. Когда ветку Транссиба тянули да город строили, умерших тут же и хоронили – в траншеях, в фундаментах домов, чтобы ямы лиш-

ние не копать. С тех пор здесь и толпятся души неуспокоенных. Типа мстят живым, да. За что – непонятно, вероятно, собственно за жизнь.

– И они реально с туманом приходят, по вечерам, с реки, – добавила Анжела, отпирая мой номер. – Я как-то приехала, пошла ночью на крыльцо покурить. Стою, вокруг туман. И вдруг на крыльцо мужик взбегает, рук нет, глаза белые, матерится. А следом из тумана ещё один как выскочит, и за руку меня хватает, а схватить-то не может – дух же... Я курить с тех пор бросила, – подытожила не то с гордостью, не то с сожалением.

Я поставила про себя галочку. Надобно проверить.

– И о таких слыхали, кто шёл вечером с работы, попал в туман – а на утро его в речке находят. Заманивают и утаскивают. Так что вы осторожнее. Если туман застанет – в любой дом стучитесь, всегда пустят. Только свет надолго и ярко не зажигайте.

Я кивнула, поблагодарила её и прошла в свою комнату.

– Туалеты и душевые – напротив по коридору, – сообщила Анжела напоследок. – Ещё там кухня есть с посудой, если сами готовить захотите.

Она дождалась, когда я на ощупь доберусь до прикроватной тумбочки и включу лампу, и с «ну, пока» удалилась.

Я огляделась. Большая старинная кровать у стены, окно, рядом – стол-стул плюс кресло, громоздкий шкаф от угла и почти до двери – частично книжный, частично бельевой.

Высокий обшарпанный потолок и промозглый холод. Но под столом нашёлся старенький обогреватель.

Разобрав чемодан, я рискнула быстро сходить в душ, а, вернувшись, обнаружила в комнате гостью. Руна удобно устроилась в кресле и умывала мордочку. На меня кошка даже не взглянула. Точно ведьмина... Уходя в душ, я закрыла дверь на ключ, окна заперты, а она – тут как тут. Ведьмы, работающие с животными, говорили, что их питомцы усваивают часть магической силы. Так вот ты кто, не к ночи будь помянута...

Толку от обогревателя было мало. Сырые сквозняки просачивались в щели старых окон, гуляли по полу, скрипели покосившимися дверьми шкафа. Запершись, я переоделась в спортивный костюм, надела носки и развесила по комнате защитные амулеты. Четыре – по углам, тонкими лентами в щели кирпичной кладки, два – на шторы, пару штук на пол – под кровать и у порога, один – на потолок, подбросив. И ещё один оберег, с дополнительным наговором, я сунула под подушку.

Неудачно кровать стоит – почти напротив двери... И головой туда спать не люблю, и ногами не ляжешь... И перестановку не сделаешь, слишком узкая комната. Придётся привыкать.

Шёпотом пожелав Руне доброй ночи, я закуталась в одеяло и покрывало и мгновенно уснула. Дел впереди немерено.

Глава 3

*Быть ведьмой – значит всем сердцем верить в себя
и быть за себя в ответе.*

Терри Пратчетт «Пастушья корона»

Меня разбудила тихая перебранка за дверью. Потянувшись и сев, я прислушалась.

– Она приехала по своим делам, при чём тут мы? – вопрошал мощный мужской бас.

– А вдруг подработать согласится? – возражал тонкий женский голос. – Деньги-то лишними не бывают! Давай хотя бы спросим!.. Лучше же сделать, чем не сделать!

И то верно...

Я встала, нашла тапки, собрала растрёпанные волосы в хвост и надела халат. Распихала по карманам умывальные принадлежности и перекинула через плечо полотенце. Да, как вечером Анжела сдала постояльцев мне, так и с утра пораньше сдала постояльцам меня. Да ещё и поди за сто пятьдесят рублей. Молодец, девка.

– Приветствую, – я открыла скрипнувшую дверь и радушно улыбнулась. – Чем могу помочь?

Спорящая парочка – те самые новобрачные из второго номера – выглядели в высшей степени забавно. Владелец баса оказался невысоким и тщедушным мужичком неопределённого возраста, с залысинами на высоком лбу и висках, при больших «профессорских» очках и «тараканьих» уси-

ках. Его жена же, напротив, дамой была очень солидной – во всех отношениях и со всех сторон: «гарна дивчина» комплекции Верки Сердючки, выше мужа, да и меня, головы на полторы, с шикарной чёрной косой и соболиными бровями. Оделись, что характерно, оба одинаково – в джинсы и красные свитера с белыми оленями. И при виде меня смутились тоже одинаково – порозовели, глазки отвели.

– Если вам нужен фотограф, то я занята, – заявила сухо.

– Простите за беспокойство, Злата, – мужик, на правах собственно мужчины, взял всю ответственность на себя. – Меня зовут Семёном, а это моя жена, Вероника. Понимаете, – продолжил торопливо: – у нас отпуск, время ограничено, всё распланировано, а фотограф заболел. Нам немного надо – хотя бы полдня уделите, а мы заплатим. Сколько?

Волшебное слово – деньги... Я поколебалась для вида. Во-первых, я на пенсии по инвалидности и профнепригодности. Верховная не поскупилась на командировочные, но я с некоторых пор стала человеком практичным. А во-вторых... не помешает развеяться и пообщаться с кем-то, кроме своего «рудимента». С кем-то живым и настоящим.

– Я здесь по своим делам. Скажите, когда уезжаете. Подумаю, на какой день назначить съёмку, – сообщила я сурово и важно. – Но обрабатывать фотки не буду, некогда.

Да, я птица столичная, хоть и «краевая», и надо держать марку. А о том, что я третий раз в жизни возьму в руки фотоаппарат (и хорошо, если разберусь в этой современной мо-

дели), им знать необязательно. Как и о том, что обрабатывать результаты съемки в фоторедакторах я просто-напросто не умею.

– И не надо! А мы здесь на десять дней! – тонко и радостно отозвалась Вероника. И посмотрела на мужа победно: дескать, вот видишь!

– Предупрежу заранее, – я поправила сползшее полотенце. – Разрешите пройти?..

Они расступились. Я заперла дверь и невозмутимо направилась по утренним делам. Надо же, какой поворот... Но сначала все-таки комната ведьмы, город и призраки.

Последние не давали покоя. Я вчера простояла на крыльце с полчаса и никого не видела. Либо здесь есть поток некротической энергии, тревожащий старые захоронения, либо открылся портал в мир мёртвых, либо иллюзионист хулиганит – магически или научно обученный. Ведь в дома же духи не пробираются, иначе бы люди давным-давно разбежались. Да и ведьмы бы прознали. Или обереги есть, или это всё же хулиганство. А если правда... Сначала проверю воду – реку, порождающую туман.

Рассеянно распланировав за умыванием день, я вернулась в комнату. Руна уже ушла, и без её тихого урчания в номере стало сыро, холодно и неудобно. Раздвинув шторы и полюбовавшись на сверкающе-снежное утро солнечной сибирской «осени», я разобрала чемодан, оделась потеплее и приличия ради, грызя крекеры, пошарилась в фотоаппарате. Режимы,

вспышка, включение-выключение, видеоискатель, а на экране – только меню. Интуитивное и понятное, если не лезть за всякими выдержками и диафрагмами. Работать можно. А делать вид, что работаю, – тем более.

Спрятав кошелёк и папку с документами в чемодан и заговорив их от кражи, я сунула в карманы кофра мелкие деньги, на дно – амулеты и зелья в пробирочных флаконах, убрала под шапку волосы и отправилась за завтраком.

– Привет! – Анжела, сидящая в кресле, подняла глаза от экрана телефона и улыбнулась. – Завтракать? На плите омлет с сосисками и кофе.

Тёмные свитер и джинсы, высокие ботинки, чёрная шапка, надвинутая на лоб, и руки в кольцах-браслетах, по ее мнению, были образцом стиля. А я сразу подумала, что надо изучить людей и одеться, как все, дабы не выделяться из толпы.

– Я пока занята, – сообщила она, вынимая из уха розовый наушник, – через полчаса бабулю кормить, врача жду и убраться надо. Давайте после обеда в город?

– Лады. А к ведьме в комнату я и сама схожу, – я многозначительно выложила на стол двести рублей.

Обойдёмся без свидетелей. Им вообще повезло, что заговоренное всего лишь назад возвращается, а не цепляется пожизненным проклятьем.

– А бабушка чем болеет? – я достала из посудомойки тарелку, вилку и свою вчерашнюю кружку.

– Бронхит. Хронический. Как резко холодает, так она с

постели не встает.

Я положила на тарелку омлет и искоса посмотрела на Анжелу. Внезапно захотелось отплатить добродушной девушке за хорошее отношение. Да, сдала постояльцам, но ведь хорошая. Искренняя, открытая. Таких нынче мало.

– Я действительно немного ведьма, – сказала осторожно. – Бабка моя и привораживала, и хворь насылала, и порчи снимала. В общем... я набралась от неё знаний. Хочешь, осмотрю твою бабулю и лекарство приготовлю?

Лечить людские болезни зельями нас учили ещё в школе – на всякий случай. А раз и точный диагноз уже известен...

– Вечером, – согласилась Анжела сразу. – Или ночью. Когда она уснет. Бабуля не любит... шарлатанов всяких. Так она вас называет, – добавила смущённо и с вызовом закончила: – А я верю в магию. Есть же призраки? Значит, должны быть и те, кто может их победить и прогнать.

Логично.

– Вот, ключ от комнаты ведьмы возьмите. Седьмой номер. Позавтракав и выпив кофе, я убрала посуду в посудомоечную машину, взяла ключ и поднялась наверх. И с минуту стояла у запертой двери, прислушиваясь к ощущениям, но слышала только Руну. Кошка громко и приглашающе урчала из комнаты. Я перебрала браслеты, отметила «молчание» обережных амулетов и решительно толкнула дверь. И она распахнулась без ключей или щелчков замка.

Такая же обстановка, как и в моём номере. Кошка в крес-

ле. На пыльных портьерах – ленты обоев, паутина на потолке, в щель между штор робко заглядывал солнечный луч, и в его свете плясали мириады пылинок. И вещи повсюду.

Кошка умывалась, лежа в гнезде из платьев, юбок и чулок, на спинке стула обреталось несколько блузок, на полу у заправленной постели – разбросанные носки и тапки, а на покрывале – махровый халат, полотенца и шелковая ночная сорочка. На столе – разбросанные умывальные принадлежности и раскрытая косметичка. На полу у шкафа – потрёпанный чёрный чемодан, покрытый пылью.

Такое ощущение, что ведьма достала все свои вещи, чтобы собраться в дорогу. И уехать из города.

Я обошла комнату, изучая детали. Шкаф пустовал, ящики комода – тоже, как и прикроватная тумбочка. Присев, я провела рукой над ковром, но мои амулеты смолчали. Ни тайников, никаких защитных заклятий... Неужели она полагалась только на собственную силу... и кошку? Я внимательно посмотрела на Руну, но та старательно вылизывала светлое брюшко.

– Не поможешь? – спросила я на всякий случай. – Не подкажешь?

Кошка проигнорировала мои вопросы, занявшись мытьем задней лапки. Встав, я внимательно изучила ведьмины вещи. Так, по возрасту, в длинные платья и строгие юбки с блузками, одеваются те из нас, кому за семьдесят. И кто не «в полях» работает, а сидит в офисе. Или в архиве. Но вещи

– больно дорогие и качественные для простого архивариуса или гадалки. Одна из «рук» Верховной или из Совета Круга?..

Присев на корточки у кресла, я перебрала подола платьев. Одежда лёгкая – тонкий трикотаж, а Анжела сказала, что ведьма зимой приехала. Явно не сибирская. И одежды довольно много – шесть платьев, семь юбок... Пропала через неделю, а приехала, кажется, на подольше. Отчего внезапно засобиралась, что нашла?..

И я снова подумала, работает ли здесь интернет. У меня есть удалённый доступ в архив, а там хранится информация не только по нашему округу, но и по соседним. И зацепки для определения личности есть. Вот только почему ведьмы не хватились? Если бы хватились – если бы она была из той пропавшей восьмёрки ведьм, о которой говорила Верховная, – её вещи давно бы вывезли, да и кошку забрали. Загадка.

И, побродив по комнате, я обнаружила вторую нестыковку. Ни техники, ни амулетов. Ни сотового, ни компьютера, ни дамской сумочки. Но с ними, допустим, ведьма ушла и пропала. А почему нет запасных амулетов и зелий? Мы все на допинге и при сопутствующей поддержке. Своя сила – хорошо, а запасная – ещё лучше. И я не знала ни одной ведьмы, которая бы не пользовалась амулетами и не возила с собой килограммы защитной бижутерии и литры восстанавливающе-лечебных зелий. Но в косметичке – только собственно

косметика. Странно.

Решив засим закончить с первичным осмотром, я сделала несколько снимков и ушла, притворив дверь. Если бы не кошка, я бы не поверила, что здесь жила ведьма. Кажется, обычная мистификация – «туристический объект» для антуража и развлечения постояльцев. А вещи для проверки я брать не стала. И так понятно – Руна. Ждёт возвращения хозяйки и бережёт каждую тряпку.

Зайдя к себе и прихватив куртку с шарфом, я задумалась. Интересно, может ли кошка ощущать смерть владелицы? Три года – солидный срок для «пропажи», пора понять, если ведьма мертва. Но животное не уходит и... И таких питомцев не бросают. Ведьма *пропала* – может, именно так, как намекала Верховная. Потерялась в пространственно-временных слоях реальности? И Руна ощущает слабую связь, упрямо ждёт... И (или) всё же что-то сторожит. Иначе ведьма забрала бы кошку с собой. Да, таких питомцев не бросают. Надо проверить номер повторно – и позже, когда меня никто не будет ждать. И в архив заглянуть, разумеется.

Когда я спустилась вниз, Ангела уже оделась и прогуливалась по коридору.

– На пару часов, – сообщила она, пряча сотовый в карман пуховика и повязывая шарф, – пока бабуля спит. Мне ещё ужин готовить.

Я кивнула, сразу отдала деньги, и мы пошли на экскурсию. Погода радовала морозным, но ясным и безветренным

солнечным днём, и на светлые улицы после мрачно-туманной ночи высыпал, кажется, весь город. Дворники убирали снег; собачники выгуливали своих подопечных; молодёжь то парочками, то группками шастала без дела; взрослые и занятые передвигались короткими перебежками от магазина к магазину; старушки сплетничали на лавочках.

Оглядевшись, я решила, что на фоне Анжелы выгляжу вполне обычно. На девчонку косились то неодобрительно, то со скрытой завистью, а на меня – просто с любопытством. Приехала, что-то фотографирует... Видимо, права Анжела, не такая уж тут глушь, и народ привык к туристам.

А моя проводница, жуя жвачку и важно «лопая» розовые пузыри, вещала, исправно отрабатывая триста рублей и фото на аватарку. Это в семнадцатом веке построено, это – в девятнадцатом, а эта улица – при прокладке Транссиба. Я так же исправно щёлкала затвором, изучая город в видоискатель.

– А вам не нужны... ну эти, свет, выдержка?

– Главное – зоркий глаз и чувство композиции, – со «знанием» дела пояснила я. – Если этого нет, то никакие диафрагмы не помогут.

Анжела кивнула, посмотрела, как я «прощёлкала» улицу из кирпичных и обшарпанно-панельных двухэтажек, и наморщила нос:

– Так вы же за день всё отснимите. Город-то у нас... маленький. И что потом делать будете?

– Вечером отсмотрю материал, и то, что понравится, приду снимать отдельно – с архитектурными элементами и в композиции с людьми, – отозвалась я невозмутимо. – Со светом, вспышками, штативом и прочими приблудами.

Город понравился необычностью улиц. Они тянулись не прямыми лучами от площадей или набережной, образуя квадраты дворов, как в больших городах, а кривыми зигзагами, переплетаясь и часто обрываясь тупиками. И зайдёшь в такой тенистый дворик, пройдёшь вдоль домов, обернёшься – и, кажется, нет выхода, прячется кованая калитка за огромными тополями и кустами так, что не рассмотреть. И узенькие проулки между домами таятся, скрываясь за старыми рябинами.

Кроме того, здесь много дворов-«колодцев», в которые можно попасть лишь через дом, пройдя его насквозь по коридору. И выйти – так же. На дверях «приколодезных» домов не было домофонов, иначе, как пояснила Анжела, на другую улицу не попасть, кругом тупики, и обходить – полдня. И насчет «полдня» она не шутила. Не улицы, а клубок ниток, с которым поиграл шаловливый котёнок.

– Площадей вообще нет? – спросила я, когда мы, обойдя правый берег, вышли к набережной.

– Нет. А всё главное – здесь, вдоль реки. И администрация, и библиотека, и загс, и театр, и кино. На той стороне здания покрасивее. Пойдёмте.

– А где транспорт? – я так привыкла к шуму машин боль-

шого города, что сразу обратила внимание на необычную тишину.

– Электрички. Велики летом. Маршрутки в соседние города – если надо, но они только от вокзала ходят по расписанию, – Анжела пожалала плечами. – А машин штук пять всего, но их от завистников по гаражам прячут. Народ пешком ходит. Ну, тут же рядом всё.

Да, провинция-провинция...

Здания «покрасивее» – это три-четыре этажа, выступающий вход с колоннами, широкие балконы с декоративными вазонами и треугольные крыши с медальонами дат постройки. Когда мы переходили по кованому мостику через реку, я, не удержавшись, глянула вниз. Узкая речка-одно-название скрывалась под снегом, и ни один амулет не пискнул, указывая на аномалию. Надо бы сюда ночью сходить... или избавиться от проводницы.

– Знаешь, а давай дальше я сама, – предложила Анжеле. – Тебе ещё ужин варить, а я люблю гулять медленно, рассматривая детали и подбирая материал.

– А не заблудитесь? – она явно обрадовалась.

Я улыбнулась и качнула головой. Пространственная ведьма не может заблудиться, даже если она уже не «пространственная», да и не совсем ведьма. И к тому же имеет подробную карту города.

– До тумана вернитесь, – предупредила девчонка и быстро сбежала, лишь взвился за плечами длинный красный шарф.

Ближайшим зданием оказался театр, а в его торце по зовущему запаху обнаружился скромный кафетерий-пекарня – крошечное помещение со стойками для продажи и быстро-перекусить. Миловидная продавщица в фирменном фартуке порекомендовала брусничный сбитень «по местному рецепту» и имбирное печенье «пять минут назад» испечённое. Купив и то и другое, я вышла на улицу.

Набережную с обеих сторон реки украшал невысокий гранитный парапет, и, стряхнув с него снег, я сняла перчатки и задумчиво взялась за печенье. Амулеты по-прежнему молчали. Я носила много чего полезного, настроенного на определение магии, но... Вероятно, поток призраков – стихийный и спящий.

Я перегнулась через парапет, найдя спуск к реке. Бывает, спящие ощущаются лишь при пробуждении. Просыпаясь, потоки выплескивают малое количество энергии, а она быстро растворяется в пространстве. И гадость при этом поток сделать успевает, насытив пару-тройку местных привидений энергией до зримости, и пропасть бесследно, ибо сила впитывается всё теми же призраками до последней капли.

Доев печенье и греясь сбитнем, я дошла до гранитной лестницы и спустилась вниз. Народу вокруг не было, и я спокойно покопалась в снегу, зарыв у кромки реки поисковое кольцо. Идентичный его «напарник» остался на большом пальце левой руки, и, если поток есть, то при следующем стихийном всплеске я его обнаружу. А если нет, то надо ис-

кать расшалившегося мага. Или доморощенного гения. Почему я поверила словам Анжелы? Натура. Лучше поверить и ошибиться, отделившись смущением, чем не поверить, ошибиться... и лишиться силы.

Я вернулась в гостиницу вечером, когда нагулялась и нашла магазинчики со всем необходимым, а небо раскрасили красно-оранжевые полосы. С середины моста закат смотрелся замечательно: багряное солнце «тонуло» в русле спящей реки, свежий снег искрил рыжим, от домов и парапетов по набережным расползались сизые тени. И не я одна остановилась полюбоваться закатом: козырное место, середину моста, где он горбом поднимался над рекой и берегами, занимал художник. Верно, тот самый, из первого номера.

Высокий старик с пронизательными глазами, одетый в тёмный лыжный костюм, то на солнце щурился, то на меня косил, а перед ним стоял мольберт с карандашным наброском – витые перила моста на переднем плане, парапеты, штрихи домов с набережной, полукруг солнца.

Проскользнуть мимо я не успела – и мост узкий, и...

– Добрый вечер, – улыбнулся художник. – Вы – Злата, фотограф? Как вам город?

– Облезлый, – честно ответила я, – и заброшенный. Не хватает хозяйской руки и инициативной активности жителей. Здравствуйте. И извините... я замёрзла.

Художник посторонился, пропуская меня, глянул искоса, смешливо и иронично.

Мне стало неудобно. Наверно, надобно остановиться и пообщаться... Но сначала надо привыкнуть просто общаться. И для этого мне пока хватает говорливой Анжелы. Москва не сразу строилась...

Проходя по коридору, я заглянула к Анжеле, снова пообещала осмотреть её бабушку и требовала пароль от вай-фая. Пора навестить «любимые» архивы, да. Наскоро перекусив, я вернулась в свой номер, переделась и разобрала пакеты. Кипятильник, сувенирная кружка всё с тем же мостом, чай, кофе, молоко, пряники... В общей кухне я ещё утром обнаружила и чайник, и холодильник, но не бегать же каждые полчаса туда-сюда. Раз с графином сходил за кипяченой водой – и грейся под одеялом дальше, пользуясь кипятильником.

Вай-фай «поймался» не сразу. Минут пятнадцать я бродила по комнате с ноутбуком в руках, как шаман с бубном в поисках заветного духа, и «нашла» лишь в одном месте – у двери. И, поднатужившись, перетасила туда тяжелое кресло. Дверь открывается – и ладно.

Вооружившись чаем и закутавшись в плед, я полезла уточнять личность ведьмы. Возраст – от семидесяти, сфера силы – природа, помощник-проводник – кошка, ведьма – или пропавшая, или погибшая. А детали внешности Анжела не вспомнила. Обычный ведьмовской отвод глаз – смотришь, видишь человека, а потом не можешь вспомнить, какой у него рост или цвет волос.

Запустив поиск, я откинулась на спинку кресла и глотну-

ла чаю, понимая, *сколько* досье сейчас выкатит система. И возраст, и сфера, и даже проводник – всё слишком распространённое. Работай ведьма с попугаем или змеей – было бы проще. А так из зацепок – внешность и имя кошки, если оно настоящее, да оставшиеся в номере вещи, если ведьма часто их носила и засветилась на фото. Негусто.

Минут через пять система разродилась списком. И всего-то тридцать страниц, а каждой – по десять досье... Поёрзав и отставив кружку, я взялась за изучение. И на пятнадцатой странице нашла искомое. Кошка Руна – один в один с...

Тихое урчание. Я подняла голову и улыбнулась сидящей на полу кошке. Тут как тут... Так, Карина Александровна Зуева, приятно познакомиться... Бегло изучив досье, я снова откинулась на спинку кресла и разочарованно поджала губы. Дело дрянь.

Судя по данным, из города она уехала сама – села на поезд, имея при себе небольшой дорожный саквояж (вероятно, с документами, зельями и амулетами) и укатила на Алтай, где и сгинула. Её нашли через месяц после отъезда отсюда, в глухой деревне на горном перевале, замёрзшую... нет, ставшую ледяной статуей, в толще льда.

Я посмотрела на дату. Февраль на перевалах, конечно, суров, но не до такой степени и не для сильной ведьмы. Явно магия. Но то, что она бросила кошку... означает только одно – собой ведьма уже не была. Никогда ни одна здравомыслящая ведьма не откажется от проводника своей силы – допол-

нительного козыря, усилителя способностей. Руна поймала мой взгляд и тихо, жалобно мяукнула.

— Иди сюда, — я поставила компьютер на пол и похлопала по коленям.

Кошка не шевельнулась, лишь глаза посветлели, а расширившиеся зрачки стали почти белыми. Да, усваивая часть ведьмовской силы, животные становятся немного нечистью... Я перебралась на пол, села рядом с кошкой, задумчиво погладила её по спине, и Руна улеглась, расслабилась, запустила коготки в ковёр.

Не собой... За три года я перелопатила, приводя в порядок, уйму дел, в том числе и уголовных. И знала, что в таких вот заброшенных деревнях на перевалах любили прятаться — и работать — ведьмы и колдуны, презирающие законы. Считающие, что мы не должны находиться под надзором наблюдателей. Полагающие, что нельзя запрещать ни магию тьмы, ни её смертоубийственные заклатья и ритуалы. Живущие долго, гораздо дольше отмерянных нам природой ста пятидесяти лет.

Кроме всего прочего, отступники умели скрывать истинную внешность — и не просто иллюзией маскироваться, а становиться другим человеком, меняя своё тело под чужое. Нашла отступница подходящую ведьму, сменила «шкуру» со своей на её, чтобы спрятаться... А бывшего носителя «шкурки» потом находят в глуши, и хорошо, если тело поддается опознанию. И хорошо, если находят.

Руна тихо пела и смотрела на меня не мигая. И, конечно, есть вариант нечисти – взяла под контроль сознание, увела... Но в это верилось слабо. У нас природный иммунитет против одержимости и сильного воздействия, а чтобы месяц тащить на буксире почти столетнюю ведьму, нужно быть... даже не бесом. А кем-то посильнее. А сильнее бесов в нашем мире, слава богу, давным-давно никого нет. Кроме... слабой нечисти. Способной отъестся на силе тех же бесов и превзойти их – на время. На час-два, не больше. Но никак не на месяц. И – лёд?.. Нечисть стихийной магией не владеет.

Мои умозаключения совпадали с тем, что указано в досье. Да, несанкционированная магия. В алтайской деревушке хозяйке Руны делать было нечего – нет там ни древних капищ, ни интересных захоронений, ни старых тайников, ни нечисти, ни (вроде как) замеченных отступников, ни даже их домов или могил, смердящих опасной ритуальной тьмой. Даже законопослушных ведьм, заклинателей или колдунов – родственников или друзей – там нет. Карину совершенно случайно обнаружил местный шаман, а шаманы, хоть и владеют иной силой, знают о Круге и имеют с ним некоторые связи.

Наблюдатели, прилетевшие по свистку, покопались на месте да закрыли дело. Замороженное тело изо льда извлечь не смогли, поэтому всё опознание свелось к расспросам местных жителей. И настоящая хозяйка Руны умерла на перевале или некто под её личиной, достоверно не установили. Ведь

известного питомца как важнейшее «удостоверение» личности ведьмы так и не нашли.

Но, вероятно, кошка, не зря ждёт и сторожит седьмой номер.

– Что же ты бережёшь, а, полосатик? – я почесала Руну за ухом.

Старое, очень старое животное, если смогло выжить без хозяйки... И, кстати...

– Я же тебе поесть купила.

Я сходила на кухню и вернулась с открытой банкой паштета. Кошка принялась и неспешно приступила к ужину. А я закрыла поисковые программы, отодвинула компьютер и допила остывший чай. В бумагах, выданных Верховной, имени этой ведьмы не было. Значит... девятая. И убили её (или заставили исчезнуть) всё же здесь (или отсюда), иначе Руна жила бы сейчас в деревушке на Алтае. А по документам Карины отсюда отбыл кто-то в личине. Питомец всегда идёт за хозяином до последнего – пока ощущает в нём жизнь.

И снова вспомнились намёки Верховной: пропасть – не значит умереть. И в городе есть что-то, требующее проверки... Я посмотрела на плотно зашторенные окна. Призраки? Пока не подавали признаков существования. Кольцо распознавания молчало. Ещё что-то, кроме?.. Не люблю домыслы без фактов, как и гадать попусту не люблю. Хотя...

Кошка доела и нырнула в кресло, повозилась в пледе, «свивая» тёплое гнездо. Закрыв ноутбук и поставив его на

стол, я налила в кружку воду, включила кипятильник и подошла к окну. Хотя есть ещё один непроверенный вариант, связанный с другой ведьмой, – с той, что замёрзла и стала прообразом памятника. «Ты не та!», – крикнула она во сне. Значит, должны быть «те». Значит...

Пропавшие ведьмы, толпы призраков... Не слишком ли много странностей для крошечного, богом забытого городишка?

– Заходи, открыто, – я выключила кипятильник.

– Бабуля уснула, – застенчиво сообщила Анжела, заглянув в номер.

Кивнув, я собрала мусор, отправив туда и консервную банку, рассовала по карманам штанов кое-какие зелья, обулась и накинула на плечи куртку. Закрыла дверь на ключ и уточнила:

– Куда идти?

– Мы внизу живём, – торопливо, словно боясь, что я передумаю, объяснила Анжела. – Направо по коридору и до конца, последняя комната. Давайте пока мусор уберу.

Комната хозяйки гостинцы была точной копией моей, только очень тёплой. Сняв куртку, я подошла к кровати. Бабушка Анжела спала на боку, спиной ко мне, под тонной одеял, и в вязкой, душной темноте раздавалось её неприятное дыхание – надсадное, хриплое, тяжёлое. И мерзко пахло лекарствами. И...

– Анжел, выйди, пожалуйста, – я включила лампу на при-

кроватной тумбочке.

...нечистью.

Благодаря Натке я немного умела опознавать нечисть по запаху. Она ведь меня не только от «паука» прикрыла, но и долго лечила от последствий нападения, используя свои знания, амулеты и кровь. И кое-что от «лисы» мне передалось. И сейчас я остро чувствовала... не тот воздух. Не так среди людей пахнет. Как в лесу должно пахнуть только собственно лесом, цветами и травами, а несёт порой выхлопными газами, жареным мясом и иной человеческой деятельностью, так и нечисть «портит» воздух, когда вредит.

– Выйди, – повторила я мягко.

Девчонка послушно удалилась. Я тряхнула левой рукой, перебрала браслеты и нашла необходимый. Сжав в ладони, прошептала наговор, и металл мигнул красным. Хорошо, нечисть мелкая... Легко оборвать связь и оградить бабушку от новых посягательств. Но плохо, что не вычислить. Не мне. И остро кольнуло понимание: не я здесь должна быть. *Не такая я.*

Браслет засиял багряным, делая незримое видимым. «Присоска» нашлась на спине. Как обычно. Щупальце от неё шло тонкое, бледное. Давно присосалась и давно не питается. Отсоединённое – тоже плохо, не проследить. Механизм капельницы: у нечисти – «катетер», у человека – «лекарство», а трубка-щупальце – из энергетики обоих сотканное.

Потерев руки, я присела и осторожно отсоединила «присоску». Щупальце без ощущения жизни разом ссохлось, распалось на лоскуты. Бабушка вздохнула и расслабилась. Дыхание стало спокойным, ровным. Выздоровеет теперь за пару дней. А чтобы снова никто не присосался... Я сняла второй браслет и положила его на край кровати. Шепнула наговор, и он юркой змейкой нырнул под одеяло. Закрепится на руке, растечётся по коже неощутимым невидимкой, продержится с месяц и распадётся.

Взяв с кресла куртку, я с минуту просто грелась, впитывая тепло. Когда бы нечисть ни обнаружила пропажу, следующую «присоску» она создаст минимум за месяц. А за это время её реально найти. Если повезёт, даже мне. Правда, признала я с сожалением, только нечисть крупную. Мелкую, веками маскирующуюся под людей, – увы. Только если она сильно налажает. Лучше написать Верховной. Для работы с нечистью есть специально обученные люди – заклинатели, вот и пусть помогают. Правда, телефоны людей из прошлой жизни я давно все удалила... Но в системе электронной почты есть «запоминалка».

Ещё и нечисть... Я нахмурилась. Надобно проверить таинственного парня, сидящего взаперти. Он может как искомой нечистью оказаться, так и очередным «лекарством».

Часы показывали полдвенадцатого ночи. Самое время вломиться в комнату к таинственному незнакомцу и пролепетать, что я ошиблась дверью. Накинув куртку и затянув

волосы в тугой конский хвост, я вышла в коридор, преисполненная решимости и чувствуя себя... возвращающейся.

Человеку нужно быть к чему-то привязанным, желатель-но маниакально и фанатично – крепко и навсегда. Без этого он болтается, неприкаянный, как навеки проклятый «Лету-чий голландец», без управления и шансов на спасение, без смысла жизни, без ощущения собственной нужности и цели – бросить якорь в родном краю.

Чуть меньше недели назад я была такой же проклятой. А теперь...

Глава 4

Маг умеет видеть знаки.

Пространство живое и отвечает на вопросы, которые ему задаешь.

Иногда оно разговаривает обрывками чужих фраз, иногда – событиями или советами со стороны.

Вера Радостная

– Как бабуля? – переживала внучка.

Топчась в коридоре, она только и ждала, когда я выйду.

– Не хуже, – я направилась к лестнице на второй этаж. – А завтра будет лучше. И вот, – на ощупь нашла в кармане куртки нужный флакон и повернулась к Анжеле: – Возьми. Две капли на стакан воды два раза в день. Обычное обще-укрепляющее. И всё. Я – спать.

А сама, взбежав по лестнице, остановилась у комнаты номер три. Пока не проверю, не уймусь...

В коридоре царил сонная тишина, даже из номера новобрачных не доносилось ни звука. И я решилась. Сняв с шеи подвеску, обмотала цепочку вокруг запястья и сжала кулак, согревая амулет-отмычку. Постучать для приличия или не пугать?.. Нет, лучше не пугать.

Тонкий серебристый стержень беспрепятственно проник в замочную скважину, тихо и приглашающе щелкнуло, и я открыла дверь. И замерла на пороге, изумлённо уставившись на хозяина третьего номера. Однако! И уж кого не ожидала встретить, так это...

– Корифей?!

Бывший наблюдатель, а ныне – вольная пташка, злобно зыркнул на меня из кресла и попытался сделать вид, что занят – чтением книги. Даже закрыл ею лицо для полноты картины.

Изумление отпустило, и меня разобрал смех. Немного нервный. Закрыв дверь, я с улыбкой повторила:

– Корифей! Надо же! Какая встреча!

Он, как обычно, игнорировал всё, что его не интересовало, а интересовало обитателя третьего номера только одно – чтобы его никто не трогал. Мы несколько раз работали вместе, когда Корифей состоял в наблюдателях, и я успела немного его изучить. Мы все со странностями, но он по их количеству бил любые рекорды, с большим отрывом обходя

даже меня с «рудиментом».

– Ты что здесь делаешь?

Корифей предсказуемо промолчал, только глянул неприязненно из-за книги. Если бы я не знала по досье, *сколько* ему лет, то приняла бы за пацана-подростка. Щуплый, с меня ростом, бледный, носатый, с комком длинных, невнятного цвета дредов на голове. Несмотря на холод, он сидел в кресле босиком, в майке и трениках с вытянутыми коленями. И читал, пижон, Кастанеду.

– Корифей, – я снова попыталась наладить контакт, – извини, что беспокою, но к хозяйке гостинице присосалась мелкая нечисть, и я проверяю, не... – запнулась на секунду под ледяным взглядом, но уверенно закончила: – Не здесь ли она скрывается. Или не стал ли «спящий» постоялец второй жертвой.

– Нечисть? – переспросил он. Голос, не в пример внешности, у него был сильный, басовитый, глубокий. – А при чём здесь ты, ведьма? Тебя же лишили силы и «угля». Твоё дело – архивы под надзором, а не слежка и охота. Или я что-то путаю?

На правду не обижаются... На странный характер – тоже. Мерзкий нрав, снова напомнила я себе, не только природой даётся, но и социумом формируется. Корифей владел очень редким даром, из-за которого его хотели все, а сам он не хотел никого, даже самого себя. И наладить с ним отношения не удавалось никому. И каждый раз их приходилось строить

заново – Корифей точно забывал, что когда-то мы неплохо срабатывались.

– Извини, – повторила я миролюбиво. – Уже ухожу. Доброй ночи.

Закрыла дверь и вернулась к себе. Сняла куртку, походила по номеру взад-вперёд и хмыкнула. Надо же, Корифей... Нашёл, где хорониться... Его личность всегда вызывала во мне массу эмоций – от умильного «Боже, какое чудо в перьях!...» до сердитого «Чёрт, какая же ты сволочь...» А подсознание шепнуло: пристроить бы его к делу да попросить помочь...

Но, покрутив эту мысль, я с сожалением отставила её в сторону. И дело не в глупой гордости – личностной или профессиональной. А в том, что до Корифея нереально достучаться, и он не станет помогать, если не займёт в деле личный интерес. Когда он работал наблюдателем, интерес был – свобода от обязанностей. А теперь она получена, и... И следующая сложность – паскудный характер, который Корифей никогда не скрывал, справедливо полагая, что одно неотделимо от другого. Хочешь пользоваться чужой силой – получай по шапке и всем остальным, к силе прилагающимся.

Остановившись у окна, я вспомнила о втором своём деле – призраки. Отдёрнула штору, полюбовалась на мерцающие в свете фонарей сугробы и прислушалась к ощущениям. Оные озадаченно молчали. Туман не появлялся. Кольцо на некротический поток по-прежнему не реагировало. И спать

бы лечь, да не спалось. Долгожданная работа бередила душу и требовала деятельности.

Руна по-прежнему дремала в кресле и, вскипятив чай, я села на постель и разложила дела пропавших ведьм. «Ты не та!», – крикнула мне замёрзшая ведьма (и, кстати, нужно отыскать и исследовать памятник). Есть ли в пропавших ведьмах, включая хозяйку кошки, что-то объединяющее... чтобы сказать о них «те»? Да, и заодно запрошу-ка я в архиве дело замёрзшей. Кто она, зачем сюда пришла, какие имела отличительные черты...

Включив ноутбук и отправив запрос, я потёрла щёку и опять подумала о том, что много. Много. Слишком всего много. Пропавших ведьм. Загадок. Нечисти. И где одна, там и вторая.

Так, мелкая нечисть крайне редко живёт среди людей в одиночестве, обычно – большими семьями, и ещё реже питается от человека, ибо практически лишена магических способностей, не колдует и, соответственно, не нуждается в силовых подпитках. Обычно на несанкционированном питании ловятся высшие, большинству которых всегда мало: магических умений хватает, а силы – увы и ах. Да, и раз вспомнила...

Быстро написав письмо Верховной и обрисовав ситуацию, я достала блокнот с ручкой и составила список дел. Поток некротической энергии и призраки. Ведьмы (плюс памятник, плюс хозяйка Руны). Нечисть. И, пожалуй, тайна го-

рода. Ибо. Перечитала список и невесело улыбнулась. А не ошиблась Надежда Васильевна, мозги-то у меня атрофировались от нытья и безделья... немного.

На этой грустной ноте я легла спать, сложив папки с делами стопкой на тумбочке и поставив работающий компьютер на пол, поближе к креслу, подключив его к сети и прикрыв крышку. И при слабом свете торшера работать неудобно, и драйв от встречи с Корифеем прошёл. Да и утром... будет утро.

– Уходи, – шептали обветренные, потрескавшиеся губы. Снег валил крупными хлопьями, укрывая тощую фигуру холодным пушистым плащом. – Уходи отсюда. Не смотри. Не видь. Ты не та. Не надо тебе здесь быть. Слышишь? – и истошно взвизгнула, приподнявшись: – Пошла прочь, коли жизнь дорога! Убирайся!..

Я резко села.

Сиплый крик звенел в ушах и ледяным сквозняком гулял по комнате. Часы на сотовом показывали девять утра. Соскочив с постели, я раздвинула шторы, включила свет и вернулась в постель. Взяла дела ведём и тщательно изучила каждое, отмечая детали. Закончив, отложила папки в сторону и взялась за ноутбук. На мой запрос из архива прислали дело замёрзшей ведьмы, и нужные детали я нашла сразу.

Все пропавшие, кроме хозяйки Руны, были наказанными.

И все владели одной и той же сферой ведьмовской силы – смертью. И я снова, повторно, поверила в призраков. Поток реально существует – и он или знак от замёрзшей ведьмы (для «тех»), или... приманка. Это же дармовая сила, которую почует и наказанная. И придёт – прибежит, бросив все дела, – за утраченным могуществом. Или замёрзшая ведьма что-то сотворила для чего-то... или кто-то сотворил что-то до неё – или для неё. Или использовал её смерть, чтобы активировать поток.

«У города есть тайна», – заметила Верховная.

В городе западня, добавила я. Ибо мощный поток энергии засекли и прикрыли бы очень быстро. А он появляется на короткое время, порождает слабые волны силы, и они расходятся, чтобы вернуться и притянуть в город тех, кто... за чем-то нужен. Мелкий поток, слабый, но действенный. Не найдёшь, если не знаешь, что и где искать.

И, да, он наверняка древний. Чтобы создать поток, необходимы массовые жертвоприношения, а наблюдатели бдят за ведьмами очень строго и ритуальных убийств не допускают давным-давно. Плюс такие энергетические места всегда находились под надзором – рядом с перекрытым потоком обитала опытная наблюдательская ведьма, а то и не одна. Могли ли о нём забыть? Вполне, если поток долго себя не проявлял. А потом кто-то вспомнил, нашёл «кран», подобрал ключи, пустил силу в мир по капле и...

Значит, западня. Но зачем?..

Умывшись и одевшись, я прихватила куртку, закрыла дверь и спустилась вниз завтракать. Улыбнулась восторженному Анжелиному «спасибо, бабуля встала!...», съела свою порцию оладышек со сметаной и перед уходом уточнила:

– А как часто призраки появляются?

– Да по всякому, – Анжела отвлекалась от компьютера и пожала плечами, – просто с туманом приходят. Бывает, с вечера бродят. Бывает, только под утро. Иногда несколько раз в месяц, а иногда их полгода нет. А вам зачем?

– Интересно, – отозвалась я, застегивая куртку.

Пришла ведьма в город – и нет призраков, нужна новая – есть. Поток открывается, выплескивается, и его сила делает зримым и опасным то, что обычно прячется от глаз людских в иных слоях пространства и времени. То бишь энергетические оболочки людей, прежде здесь живущих. Мы ведь оставляем в мире множество различных следов, особенно в моменты рождения и смерти.

– А в последний раз их когда видели?

Она смешно наморщила нос:

– Да вроде, в августе...

Я напряглась. А сейчас – начало октября... Значит, если моя теория верна, «жертва» потока в городе и пока никуда не пропала. И, тщательно подбирая слова, я спросила:

– А новый кто-нибудь летом здесь появился? Например, женщина незнакомая приехала и жить осталась...

Анжела посмотрела на меня недоуменно и повторила:

– Ну, появилась. А вам зачем?

– Интересно, – повторилась и я. Опомнилась и торопливо пояснила: – Типажи нужны колоритные. Местные – это одно, а приезжие – совсем другое. Иначе себя ведут, иначе на город смотрят.

Девчонка если и не поверила, то виду не подавала.

– Да с месяц назад прикатила одна такая... В общем, ненормальная. Ираидой звать. Совсем, – и покрутила пальцем у виска, – ку-ку тётка. Бродит по городу, поёт, хихикает... Соседи говорят, ей в наследство квартира досталась, но ничего про неё не знают.

Корифей, я, таинственная Ираида – не слишком ли много сумасшедших для столь крошечного городка?..

– Она где-то на том берегу живет, – продолжала Анжела. – Я видела её пару раз издалека – ни о чём. Неприметная, короче.

Что ж, а вот и возможная ведьма, попавшаяся на силу притяжения и под отводом глаз... И найти бы её да проверить, пока не поздно...

Попрощавшись с Анжелой, я ушла. И по дороге на другой берег думала. Верховная – умная женщина, имеющая доступ к информации, закрытой для простых смертных. Если я, сложив дважды два, получила западню, то Надежда Васильевна и подавно о ней догадалась. Вопрос. Насущный до чрезвычайности. Почему сюда оправили именно меня? На роль приманки я не гожусь, и это очевидно – у меня другая сфера

силы. Что именно, зачем и для чего я должна здесь найти?

Перейдя через мост, я заглянула в кофейню за клюквенным сбитнем, побродила по набережной, отмечая предобеденную многолюдность и собираясь с мыслями, задвинула подальше комплексы с необщительностью и отправилась проводить соцопрос.

– Ираида? – переспросила солидная бабушка в овечьей шубе, и из-за стёкол очков её глаза сверкнули неистребимым любопытством опытной сплетницы. – Ираиду, девонька, не найти – она, понимаешь ли, повсюду. Не сидится ей на месте. Лет – поди ж как мне, а скачет, козочка, по городу – то тут, то там... Нет, не знаю, где живёт. Но Петровна говорила, где-то за загсом.

Выглядит старой, а скачет как молодая – точно ведьма. Многие наказанные внешне старились раньше времени – морщины появлялись, глаза становились пустыми и мёртвыми. Зато организм, пропитанный магией, работал как часы.

– Иришка-то? – хмыкнул интеллигентный мужчина в пальто и кожаной кепке «с ушками». – Иришка сама по себе. Вон там живет, за загсом. Идите прямо до конца улицы, а там направо. Номер дома не помню, извините. Хорошая она, – улыбнулся он тепло, – дочку мою спасла – на ноги поставила, когда врачи в гроб клали. Но вы её не найдете. Она сама появляется, когда хочет. А не хочет, чтоб нашли, – в жизни не найдете, – наклонился ко мне, понизил голос: – Вы не верьте, будто она безумная. Нет, она нормальна и очень

умна. И дар у неё есть, знаете, как у этих, у экстрасенсов, — и кивнул серьёзно.

Точно ведьма.

— Крестница ей, ась? — дедок с окладистой бородой смотрел на меня с нескрываемым подозрением. — Подруги доча? А пошто ж раньше-то не интересовались, а, девицей-то нашей? Как убёгла? Куда? Откуда? Ай, темнишь, красавица... Но слухай: вон тот дом, вишь, синий? Там и живёт Ираида Савельна. Но найдешь — не стучись, покуда ты не пригласят. А то ж были смельчаки-то, кто без спросу лез. Прокляла — и где оне нонче? Нема! Сгинули! Вот те крест, девка!

Ничего, я воробей стреляный... И, похоже, я права — она ведьма со сферой смерти.

— Ираидка-то? — ярко накрашенная женщина за сорок ревниво поджала алые губы. — И зачем вам баба эта дурная? А давайте лучше я вас с доченькой со своей познакомлю! Алюша! А ну, бегом сюда! Да вы гляньте только! Модель красоты! Хотя сейчас на подиум! А? Алюша, повернись, не стой столбом! Ну, красавица же, красавица? Вот то-то же! Надували — Ираидку снимать! Да её-то из гнезда своего не вытащишь! Горел дом — представляете? — а она сидит в своей каморке, под крышей-то, и мужиков-пожарных проклиняет! Дура — она и есть дура! Жаль, спас... ах, повезло ей, ливень был! Алюша, прекрати ковырять немедленно!.. Что, снимать-то будем?

Извините, некогда... А за каморку под крышей благодарю,

да.

– Вот тут Ираида Савельевна живёт. Вот в этом доме, в первом подъезде, на третьем этаже, – боязливо указала на обшарпанное строение девушка в чёрном берете. – Но вы к ней не ходите, она странная. И наброситься может, и даже с ножом. Случалось. Её соседи боятся. Да и мы тоже. У нас, знаете, клиники-то нету, для таких... ну, странных. Но как-то у соседей кончилось терпение, они вызвали из краевой столицы бригаду, а они не доехали. Три бригады высылали, подряд, и со всеми аварии в пути. С жертвами даже, – и, пугливо оглядевшись, прошептала: – Говорят, смерть за ней ходит. Кто перейдёт дорогу – с теми несчастья случаются.

Ну, ещё бы... Немного остаточной силы всегда при нас, наказанных. Мне её хватит, чтобы от погони уйти, следы в пространстве запутать, на несколько лет омолодить или состарить человека. А Ираиде Савельевне хватало устраивать несчастные случаи. И чесались руки – прочитать пространство, поискать следы ведьмы и найти её наверняка... Но после работы с простейшими заклятиями мне плохо. А болеть нельзя – не время.

Собирая подозрительно-заинтересованные взгляды, я кружила у дома до вечера, но безрезультатно. Ведьмы нигде не было, к вечеру она не появилась, и я вернулась в гостиницу не солоно хлебавши. Без аппетита поела, вяло ответила на какие-то Анжелины вопросы и пошла к себе.

Проходя по коридору, я заметила возле номера Корифея

поднос с едой и опять подумала, не пристать ли... Положить на поднос письмо, например. Или... Да без толку. Он – потомственный ведун и всё прекрасно знает, даже то, что никому знать не положено. Даже то, что не знает ни одно живое существо. Дар такой. И характер – что надо, для защиты от заинтересованных.

В номере я переоделась, напилась горячего чаю и, забив на «призрачные угрозы», включила свет и села за стол, обложившись папками с делами ведьм. Должно быть что-то ещё. Что-то важное, но упущенное. Три года вне привычной работы – кажется, не столь большой срок, но я ухитрилась неплохо забыться... И разум, и душа – как пустые комнаты заброшенного дома, полные жутких призраков прошлого. И разогнать бы их, чтобы сосредоточиться, открыть сундуки с памятью да перетряхнуть скрытые за ненадобностью знания...

Выписав из дел даты исчезновения ведьм, я нарисовала график и уставилась на него, подперев ладонью щёку. Никаких закономерностей. Две ведьмы пропали в июне и июле, одна – на следующий год в январе, три – ещё через год, в марте, сентябре и декабре, остальные... Видимо, как энергетические волны «доходили» по назначению – и дотягивались до жертв, так оные и появлялись. И призраки – случайные порождения потока – могли и с месяц терроризировать город каждую ночь, в ожидании ведьмы. А потом она появлялась и...

Я подпёрла рукой другую щёку, рассеянно глядя в окно.

Поток некротической энергии, за которым никто не следит. Пропадающие ведьмы с общей для всех сферой смерти. Вероятная западня и сила-приманка. Хозяйка Руны. Просьба Верховной. Я. За мной присмотрят... Обрывки фраз кружились, как подхваченные ветром клочья бумаги, пока не сложились пазлами в лист. С одним-единственным словом.

Наблюдатели.

Выпрямившись, я отодвинула в сторону бумаги. А слова-то я и не приметил... Из кресла тихо мурлыкнула кошка. Я встретила её голодный взгляд, встала и пошла на кухню за паштетом. И за кипятком для чая. Наблюдатели... Их-то я и упустила. Очень опрометчиво. Верховная прозрачно намекнула на «присмотрят», но я предпочла не услышать. Зря.

Пока Руна ела, я ходила по номеру взад-вперёд, складывая одно к одному. Если Верховная знала, где именно пропадали ведьмы, то наблюдатели и подавно в курсе. На то они и наблюдатели. И, конечно, они здесь покрутились, покопались и нашли поток. Только дурак не обратит внимания на рассказы о призраках и не проверит слухи. Разумеется, о нём известно. Как и о том, что город – это вероятная западня. Однако ведьмам по-прежнему *позволяют* пропадать. Наши смерти всегда были для наблюдателей лишь цифрами сухой статистики. А жизни... да, приманкой. Если пропажи продолжаются, значит, капкан здесь не один. Не только на ведьм. Но и на того – или ту, или тех, – кто управляет потоком.

Кошка вылизала банку, тихо мяукнула, запрыгнула на

стол и нахально разлеглась на бумагах, чтобы умыться. Я вытянула из-под Руны график и даты пропаж, выписанные в столбик. Обвела ручкой имя хозяйки кошки и посмотрела на свою полосатую гостью. Эта ведьма – случайность, такая же, как и я. Попросили – приехала. Или одна из пропавших ведьм была её подругой или родственницей. Узнала лишнее – убрали. Вероятно, сами наблюдатели, раз убили магией. Чтобы под ногами не путалась. Или... чтобы не спугнула.

Я невольно сглотнула. Кажется, они ловят здесь очень, очень крупную рыбу... И эта догадка заслонила собой прочие домыслы. Да, не может быть, чтобы наблюдатели ничего не знали. Не может быть, чтобы просто так закрывали глаза на пропажи. И не может быть... чтобы здесь никто из них не следил за ситуацией на месте. И Корифей (и не факт, что он тут просто прячется, хоть и бывший), и... Тот же общительный художник вполне может оказаться наблюдателем под личиной. Как и остальные «гости» города.

Мне стало страшно. А я тут бегаю, вынюхиваю и палюсь со всех сторон... Один плюс – силы во мне так мало, что её не всякий амулет уловит. Человек и человек. И один жирный минус – я тоже теперь не способна ни в ком уловить силу, только догадаться по повадкам да указующим пискам амулетов. Надо впредь быть осторожнее. Да, человек и человек.

А вслед за страхом пришёл нездоровый, подстёгиваемый любопытством азарт. Что же, чёрт возьми, тут происходит?..

Беспокойные мысли лишали сна. Побродив по номеру и

подробно всё обдумав, я вернулась к столу, собрала дела в стопку и вспомнила. Так увлеклась охотой за таинственной Ираидой, что забыла сходить к статуе ведьмы... Развернув карту, я прикинула путь и оделась. Всё равно не сидится, так смысл попусту метаться из угла в угол...

Шёл снег. Крупные хлопья кружили у зажжённых фонарей зимними бабочками, устилали мостовую и тротуары пушистым покрывалом. Стемнело, и улицы опустели. В полном одиночестве я перебралась на другой берег, поплутала с полчаса по мрачным закоулкам и оказалась у нужного дома. Огляделась и хмыкнула. По иронии судьбы, Ираида обитала рядом. Статуя находилась по адресу Дружбы, 13, а неуловимая ведьма жила через два дома, в девятнадцатом.

И, как в моём сне, снег ложился на бронзовые плечи холодным плащом, укрывал ноги ватным одеялом. Памятник «сидел» в торце кирпичного дома, спиной к стене, лицом к небу, среди кустов. Окна в доме были погашены, скудного света фонаря едва хватало, но меня интересовали, конечно, не дела моей легенды, то бишь фотосъемка. Сняв перчатку, я протянула руку и пошевелила пальцами. И одно из колец отозвалось – стало ледяным и слабо кольнуло кожу. Статую делали не люди. Она излучала ведьмовскую силу – стихию смерти.

Я склонила голову набок, прислушиваясь к ощущениям и строя очередные догадки. Оберег города, защищающий дома от нашествия призраков?.. Или исток искомого некроти-

ческого потока? Или спящее проклятье – напоминание? Да, если вспомнить городскую легенду – о болезнях и умирающих нерождённых детях...

Рука замерзла, и, надев перчатку, я задумчиво потопталась у статуи, вспоминая сны. Ведь она может быть указателем для «тех» – «радиоточкой», «антенной», передающей сигналы. Нашли умершую ведьму её последовательницы и выполнили посмертную просьбу, оставленную на этом самом месте, заодно очистив город от проклятья, но сохранив напоминалку, ибо...

Но кто же они – «те» ведьмы? Только ли те, кто приходил и пропадал по документам? С одной стороны, кажется, городу нужны именно такие, как исчезающие, ведь замёрзшая ведьма тоже была наказанной и владела сферой смерти. А с другой...

Нахмурившись, я вспомнила её скупое досье и дату смерти. Больше пятидесяти лет назад. Надо поискать подробную историю – за что наказали, где и как она жила после прижигания «угля», какой силой владел её род и остались ли потомки. Глядишь, пойму, зачем она сюда пришла. И, вероятно, это станет ответом на главный вопрос – что здесь происходит. Что город скрывает.

Я снова присмотрелась к статуе. Да, может, именно с неё всё и началось – и поток появился, и ведьмы потянулись. А некто неизвестный узнал и воспользовался, соорудив западню... зачем-то. Я знаю только о трёх годах «пропаж», но –

это то, что мне сказали. В общем... нужна история города. Что в нём есть такого, чего... нет.

Чёрт, и как гадать-то надоело... И как же это отвратительно – быть бесполезным человеком... Но использовать силу я побоялась. И в браслете, Верховной подаренном, её мало, и слежка есть наверняка. Но если «присматривающие» обнаружат, что я бессильна и неопасна, то...

И я снова вернулась к догадке, дополняя её своей персонай. Если наблюдатели ловят здесь крупную рыбу, то Верховным ведьмам всех округов наверняка запретили вмешиваться – даже находиться в городе и узнавать новости, даже защищать «тех» ведьм. Надежде Васильевне нужны не только мои мозги, но и глаза с ушами. Город территориально под её юрисдикцией, она обязана понимать, что за тайну он скрывает. И кого прячет. И кого здесь ищут. Если ловушка сработает не так, если ситуация выйдет из-под контроля, то разочарованные наблюдатели, как обычно, сольются, а результаты «ловли» ударят по Верховной. И разгребать всё придется именно ей.

А после «себя» я подумала о хозяйке Руны. Если я права и Карина покинула город не собой, то теперь этому есть объяснение – второе, исключаящее личину. Высококласный телепат или иллюзионист может заморочить любую ведьму, даже Верховную, на любой срок. Да так, что она добровольно порвет связь с питомцем и сгинет. Плюс наблюдатели – это не только мужчины-маги, но и подневольные ведьмы. Вот от-

куда взялся лёд. И, конечно, никто об этом в отчёте не напишет – таинственная смерть, и точка. А если Карина мешала... Сколько мне позволят копать, пока не решат, что я тоже мешаю? Или вот-вот спугну «добычу»? А противопоставить «ловцам» я смогу лишь весьма смутное понимание и...

Что ж, я понимала, чем рискую. Не знала, конечно, что так глобально, хотя любой риск таит массу сложностей и опасностей... Зато теперь я отчасти предупреждена.

Вернувшись в гостиницу, я заперла дверь, помахала, проходя мимо комнаты, Анжеле – дескать, пришла, и поднялась к себе. Погрелась в душе, надела спортивный костюм, заварила чай, перенесла спящую кошку в кресло, достала из чемодана заготовки для амулетов и устроилась за столом. Да, я предупреждена. Догадками – но это лучше, чем ничего.

И до утра я работала.

Во-первых, нужен «ловец снов». Мёртвая ведьма – «памятник» очевидно посылала сигналы «своим»: тем, кто владел сферой смерти. А я их ловила... наверно, по привычке. Во сне неосознанно зондировала пространственно-временные слои, тратя остатки сил, лишь бы не быть отрезанной от необходимой информации. «Ловец» поймает все сигналы и направит их ко мне, укрепив связь.

Во-вторых, меня не заморочат. Я с таким высококвалифицированным умельцем читать мысли и пудрить мозги почти семь лет бок о бок жила. И первое, что требовала при первичном общении, ведь сначала мы просто вместе рабо-

тали, – это защиту. Ибо нефиг. Альберт рассказывал о тонкостях полноценной защиты неохотно, точно выдавал древнюю и запрещенную тайну наблюдателей. И, уезжая, амулет я оставила... дома. Делать его – пару дней, но я настойчивая. И, что греха таить, напуганная. Изрядно.

«Чем гнить на ветках – лучше сгореть на ветру», писал Есенин. Но когда начинаешь «гореть», то невольно задумаешься о правильности выбора.

Как я заснула за работой – сама не заметила. Но проснулась резко, от боя старинных часов... которых в моей комнате не было. Выпрямившись и отцепив от щеки кожаный шнур, я чутко прислушалась. Отголоски боя эхом гуляли по коридору, а меня окружала тишина. Звонящая. Вибрирующая. Нарушенная. И темнота. Густая. Непроницаемая. Плотная. Кто потушил свет?.. Руна снова лежала на столе и смотрела на меня в упор, не мигая. Во тьме её расширенные зрачки искрили белым.

Повернувшись, я быстро осмотрелась, но ничего странного не заметила. Если не считать тишины. Характерной. Указующей. Которая повисает в комнате после оживлённого и внезапно прерванного разговора. Только что двое обсуждали нечто важное, но внезапно появился третий – нежелательный собеседник, и...

Я здесь не одна.

– Выходи, – я встала, вглядываясь во мрак. – Покажись.

Глава 5

Ты никогда не умрёшь.

Ты – ведьма, а ведьмы живут вечно.

Кристос Циолкас «Пощёчина»

Она вышла из шкафа как обычное привидение – пройдя сквозь запертую дверцу. Измученное худое лицо, глубоко запавшие чёрные глаза, распухшие тёмные губы, светлые волосы неопрятным гнездом, синюшная кожа, мягое платье с порванным подолом, босые ноги. И очень блеклое призрачное сияние. Руна встревоженно заурчала, спрыгнула со стола, метнулась к хозяйке. Призрачная женщина слабо улыбнулась, кошка потерлась о её ноги, и сияние стало чуть ярче.

Ведьма смогла задержаться в этом мире только благодаря своей питомице...

Я смотрела на неё с состраданием и страхом. Духи магов и ведьм отличаются от людских – способностью к материализации. Сила пропитывает душу так, что и после смерти она сохраняет способность говорить, работать с предметами и *открывать* двери. Но Карина после смерти этого полезного свойства лишилась. Наклонившись, она гладила кошку, но призрачная рука проходила сквозь урчащее полосатое тельце. словно перед смертью из ведьмы высосали всю силу. Как – не знаю. Я не слышала ни об одном подобном случае. На такое не были способны даже стародавние. Даже современная нечисть. И это... страшно.

– Доброй... ночи, Карина, – я неловко кашлянула, подумав, что ничего подобного – ни ночи, ни доброты – нет и в помине.

Ведьма выпрямилась. Взгляд усталый, беспокойный. Потрескавшиеся губы открывались как у выброшенной на берег рыбы – часто, но безрезультатно, беззвучно. Даже на пару слов сил нет... Мне стало жутко. Кто?.. Какая сволочь способна на *такое*?.. Какая мразь сотворила с ведьмой *это*?..

– Наблюдатели? – спросила я шепотом.

Она сначала отрицательно качнула головой, а потом кивнула. И как это понимать?

– И они – и не они? – я озадаченно нахмурилась.

Карина снова кивнула. И сделала приглашающий жест: дескать, идём. Я молча обулась, понимая, куда она зовёт, вышла в коридор, привычно закрыв на ключ дверь, и отправилась за призраком в её комнату. Дух прошёл сквозь стену, а я отворила незапертую дверь. Руна уже сидела на столе, тихо урча. Ведьма замерла у кресла. Я тихо затворила дверь, добралась до стола и включила лампу.

– Вы что-то нашли? – уточнила шепотом. – И спрятали?

Она снова кивнула и указала на спинку кресла. Кошка подтверждающе мяукнула. Я села на корточки, перебрала платье и вопросительно посмотрела на Карину. Она отрицательно качнула головой. Значит, кресло... Освободив его от платьев, я чутко ощупывала жёсткую ткань, пока не добралась до щели между «подушками» спинки и сиденья. Осто-

рожно просунула в щель пальцы и резко отдёргнула руку, уловившись. Возмущённо посмотрела на ведьму, а она слабо улыбнулась и кивнула.

Ладно...

Я снова запустила пальцы в щель, подцепила колючий предмет и вытащила его наружу. И поняла, что кололась магия. Предмет-то – на первый взгляд, ничего особенного: бронзовая подковка, изрисованная символами, и каждый из них вспыхивал серебристой звездой, едва я проводила по тёплому металлу пальцем. Но восемь лет назад похожая штучка познакомила меня с Альбертом. Два месяца я рыла носом землю, ища для наблюдателей некий артефакт, кем-то неизвестным спрятанный. И нашла в пространственно-временном слое начала двадцатого века, когда подковку, собственно, и схоронили, в подвале здания, который снесли в восьмидесятых годах. Но для меня любое прошлое – это ещё существующее... было.

А что это за артефакт, осталось загадкой. Верховная на мой вопрос ответила пожатием плеч, Альберт – красноречивым молчанием, всегда переводившимся как «это-великая-тайна-наблюдателей», а архивы – тишиной. Я положила подковку на стол под лампой и склонилась, изучая. А впрочем, я не очень-то упиралась, ища. Но если сейчас полезу в архивы, сдам себя с потрохами.

Да, не будь я такой ду... гордой, сохрани я старые связи... Вероятно, под страхом смерти – собственной – удалось бы

сунуть нос даже в «великую тайну».

– Из-за неё вас убили? – я посмотрела на Карину.

Ведьма кивнула и скривилась. Обвела рукам комнату, изобразила на пальцах бардак: мол, искали.

– А где вы взяли артефакт?

Она ткнула пальцем в пол и указала на Руну. Значит, кошка нашла. А внизу, кроме первого этажа, обычно есть...

– Подвалы?

Карина снова кивнула.

– А не знаете, для чего это?

Моя призрачная собеседница пожала плечами.

– Зачем вы вообще сюда приехали?

Ведьма склонилась над своими платьями и указала на одно из них. Получив разрешение, я без стеснения порылась в карманах и нашла письмо. Без конверта, старомодно рукописное. В котором одна подруга просила другую приехать и помочь разобраться «со странностями». А по подписи я опознала одну из ведьм, чьё дело лежало в стопке с остальными, пропавшими.

– Вы не встретились? – я сдвинула открытую косметичку, села на стол и снова присмотрелась к подковке. Как бы в архив-то пролезть да не наследить... Дело принимает очень опасный оборот.

Карина отрицательно качнула головой и показала на пальцах, что приехала, искала, но нашла совсем не то и совершенно случайно. А потом нашли и её.

Я внутренне поёжилась и снова вспомнила все случаи лишения силы.

Ведьмы-отступницы умели вырезать чужие «угли» и впитывать их силу, увеличивая собственную мощь. Плюс на ведьминой крови можно сделать артефакт, который хранил частичку силы и давал возможность её использовать – как браслет от Верховной. А в незапамятные времена стародавние умели жертвоприношениями переливать силу из одной ведьмы в другую. Вот и всё. Насчет последнего случая не скажу – эти знания давным-давно утеряны, – но первые два затрагивали лишь треть или две трети силы носительницы. Даже кража «угля» или его выжигание оставляли ведьме крохи силы.

А так, чтобы высосать всё и даже больше... Натка рассказывала, что в старину, до заключения перемирия, ведьмовская сила и душа были питанием для нечисти – и стародавняя нечисть как раз была способна выкачивать всё до капли. Но ведь такой нечисти сейчас нет... наверно. Запрещённые, редкие и оттого малоизученные особи нет-нет да всплывали... в какой-нибудь, чёрт возьми, глуши.

– Кто это сделал? – спросила я снова. – И для чего?

Карина подошла к столу и указала на зеркальце. Я взяла его, раскрыла и посмотрелась зачем-то. Ведьма зашла мне за спину, «отразившись» рядом, и указала сначала на призрачную себя, потом на меня, потом на своё отражение, потом опять на меня. Посмотрела выразительно и снова повторила

жесты. И я поняла.

– Убийца стал... вами? – и от догадки стало совсем страшно. – Даже... силу для этого забрал? И это не просто иллюзорная личина, а... оборот?

Ведьма серьёзно кивнула.

– Твою мать, а... – не сдержалась я.

Карина опять кивнула.

– Вы потому и сказали, что и наблюдатели, и не наблюдатели? – я отложила зеркальце и обернулась. – Потому что внешне человек был знаком, а кто таился под личиной, непонятно?

Снова кивок. Немыслимо...

– Но кто способен на такие перевоплощения? – я интересовалась скорее у себя. – Кто? Чтобы даже силу... И «уголь»? И сферу силы тоже? Не только облик, но и вашу способность управлять живой природой? А вы поняли, что человек – не тот, за кого себя выдаёт, благодаря Руне? Она учуяла... несоответствие?

Очередному кивку я не удивилась, но от подтверждения стало жутко. И – нет, это не нечисть. Наверно. Не знаю. Но больше похоже на отступников. Они, вскрывающие древние схроны стародавних с потерянными и запрещёнными знаниями, способны на всякое. Наверно, да. Единственная ниточка – это подковка... и пропавшие ведьмы со сферой смерти. И наблюдатели, которые как огня боятся нечисти, зато на ловле отступников собаку съели.

– Ваша подруга рассказывала о странностях города? Она... осталась здесь или?..

Карина поджала синие губы и с сожалением покачала головой. Других призраков ведьм, вероятно, здесь нет, а в их смерти я уже не сомневалась. Опытная природная ведьма, усиленная питомцем, не нашла в крошечном городишке свою подругу – это всё. Финиш. Полный.

– Зачем же здесь собираются именно ведьмы со сферой смерти?..

Почему именно наказанные, объяснимо: полные сил на странную некроприманку не клонут. Неужто и из них, как из Карины, высасывают остатки магии... для чего-то? Да, например, чтобы открыть дверь в мир мёртвых и выпустить оттуда особо одарённую нечисть.

Я нахмурилась, обдумывая очередное дурное предположение. Наш мир скрывает немало тайников и закладок знаний от стародавних ведьм – знаний утерянных, страшных по силе и воздействию. И по власти, которую обретёт тот, кто до них доберётся. Но эти закладки сторожат и наблюдатели, и древние охранные заветы стародавних. Помощь нечисти в таком случае крайне необходима.

Может, здесь есть тайник? Чёрт, как в этой проклятой истории много всяких «может быть»... Но он реально может быть. А подковка – ключ к нему. Или ключ-карта. А сила смерти нужна, чтобы открыть портал. С миру по нитке – с каждой наказанной по капле, и сначала пробудить поток и

подтянуть побольше ведьм, а потом приготовить ковровую дорожку для «гостей-помощников». А наблюдатели... видимо, выжидают. Даже если не они убили Карину... Не верю, что не в курсе. Эти сволочи всегда в курсе.

Карина вдруг снова указала на зеркало. Я подняла его, глядя на наши отражения, а ведьма указала на них, а сама отстранилась и посмотрела на меня взволнованно. Потом опять «отразилась», ткнула пальцем в своё отражение и сразу же отодвинулась.

– Не понимаю, – призналась я и устало тряхнула головой.

И немудрено, время-то поди... В коридоре снова пробили странные часы. Карина виновато улыбнулась и метнулась к шкафу. А я спрыгнула со стола... и проснулась.

Пробуждение было внезапным, толчком в бок. Я снова сидела за столом, в своём номере, с прилипшим к щеке шнуром для плетения артефакта. Руна лежала напротив и смотрела не мигая. И снова по коридору ледяным сквозняком летело эхо часового боя.

Первым делом я метнулась к шкафу, но он пустовал. Протерев лицо и стряхнув остатки сна, я, стараясь не шуметь, отправилась в комнату ведьмы. Открыла незапертую дверь, перерыла платья и нашла письмо от подруги. А потом и подковку в указанном месте. Вспомнила, как Руна встречала меня в кресле, умываясь, когда я пришла сюда в первый раз, и поняла, почему не нашла следов защиты. Зачем они, когда здесь сторожем кошка? Питомцы ведьм имели массу та-

лантов и оберегали порученное лучше любых заклятий. И я снова подумала об отражениях. Что Карина хотела сказать, да я не поняла? И где в гостинице есть старинные часы с таким звучным боем?

Когда я шла по коридору к себе, то явственно услышала скрип двери. Кажется, Корифея. Говорят, наблюдатели бывшими не бывают... но этого парня вряд ли можно назвать наблюдателем, очень уж неохотно он работал на бдящую за ведьмами контору. И сбежал при первой же возможности, да ещё и, по слухам, дверью напоследок хлопнул, в смысле гадость сделал. Прячется ли он здесь? И только ли прячется? А вот не верю. Ни в первое, ни во второе. Он слишком много знает.

Закрывшись, я походила из угла в угол, размышляя, куда спрятать подковку и где раздобыть о ней информацию. Можно, конечно, подобрать ключи к чужим профилям, я так делала пару раз... Но подставы мне претили. Смертельно опасные – тем более.

Часы показывали шесть утра, и, умывшись и наспех перекусив бутербродами, я снова села за работу. И руки делали одно, а голова думала о другом. Я три года проработала в архиве и не имею права не знать некоторых важных вещей... И пальцы доплетали последний элемент для «ловца снов», губы шептали наговор, а перед глазами стояла подковка. Итак...

Все сибирские города стоят на подземельях стародавних

ведьм и фундаментах их домов. Освоение Сибири началось с середины шестнадцатого века, когда возводились первые крупные поселения (Тюмень была основана в 1586 году, Томск – в 1604-м), и незадолго до этого ведьмы, скрывая свою яркую и явную магию, вынужденно снялись с насиженных мест. И начали создавать схроны.

Европейская охота на ведьм пятнадцатых-семнадцатых веков до Сибири не докатилась, зато добрались наблюдательские палачи – а вместе с ними и новые порядки. Но к тому времени главные секреты волшебства были запрятаны далеко, глубоко и очень надёжно. В сложных подземельях и обычных подвалах, в тюрьмах для нечисти и могильниках, в капищах и древних гробницах стародавших. И ко всем схронам вели карты, и каждый открывал специальный ключ.

Символы на боках подковки – это надпись. Подпись. Когда грянул гром, стародавшие постарались сберечь главное – знания. Ведьмы, цинично говорили наблюдатели прошлого, что тараканы – существуют со дня сотворения мира, переживут любые катаклизмы, появятся и расплодятся вновь, но без древних знаний они немногим опаснее людей. И стародавшие это прекрасно понимали. Часть их тайников смыли наводнения и поглотили землетрясения, но часть осталась и ждала новых учениц. Как и ключи или ключ-карты к ним.

Прятали стародавшие самое разное – от древних книг и свитков с описаниями ритуалов и артефактов до гробниц, в которых спали духи ведьм, готовые выйти в мир живых

и учить. И ключи для них делали типовые. К жертвенным камням и алтарям вели кристаллы, к тайникам с летописями – бронзовые свитки. А вот к чему вели подковы, я, к сожалению, не в курсе. Две штуки, о которых я знаю, могут быть и составной частью одной карты или ключа, а могут вести к разным тайникам с похожим содержимым. Старо-давние пользовались символикой, которую мы давно разучились читать.

Но одно точно: подпись на подкове – это старославянское «Я ведаю», и ею всегда отмечались ключи к знаниям, то бишь к тайникам со знаниями. А колючие искры – заклятье на поиск силы. Ключ искал сильную владелицу... и в моем лице её не нашел. Мне артефакт ничего не расскажет. Не то уже рассказал бы – видениями. Да, я не «та».

Доделав «ловца», я встала и потянулась, отмечая скорый полдень. В подвалы, что ли, сходить? В компании Анжелы, если придётся, пообещав ей за очередную «экскурсию» две-сти рублей и фотосессию в цепях. Молодёжь любит антуражные фотографии на неожиданном фоне. Или с Руной – для подстраховки. Когда я нашла первую подковку, к ней прилагались пара объясняющих свитков и мешочек с подсобной мелочёвкой. Карина или торопилась, или невнимательно искала.

Из комнаты я вышла только поздним вечером, когда закончила работу. После «рассказа» мёртвой ведьмы о странностях убийцы я не шибко верила в пользу артефактов, но

с ними спокойнее, чем без. Анжела при виде меня аж из наушников выпрыгнула. Оказывается, волновалась, не заболела ли я. Я отговорила женскими днями и за ужином неловко забросила удочку насчет подвалов.

– Да не, там тоска, – девчонка скривилась недовольно. – Были бы цепи или клетки... А там коридор, как тут, дома, и комнаты. Бабуля там всякую фигню хранит – ну, которую жалко выкидывать. Мебель там сломанную, столы, стулья... Оно же старинное. Типа мастер найдётся, будут деньги лишние – отреставрировать. Я ей предлагаю реалити-квест устроить, а она музей хочет. Пойдёте?

– Угу, – я с удовольствием доедала рыбный пирог.

Оказывается, бабушка поправилась и на радостях стряпала весь день.

Анжела посмотрела на часы.

– Сами сходите? Мне убираться надо. Пять сек, ключ найду... Только не сломайте ничего – в смысле руку, ногу, фотик... Там темно, стрёмно и грязно. Точно хотите? По коридору до лестницы, слева от неё дверь. Вот ключ от входной. Свет включается, как вниз спуститесь. И оденьте, что не жалко.

Из «не жалко» у меня был только домашний костюм, он же пижама, и я отправилась, в чём есть – джинсы, свитер, тонны амулетов по карманам. За последними поднялась специально, а вот камеру не взяла. Интуиция напряжённо бдела, шепча о необходимой свободе рук и любых движений.

В подвал вело десять высоких ступеней, и я спускалась в полной темноте, держась за стену. И минут пять потом на ощупь искала выключатель. А когда нашла, осмотрелась и полностью согласилась с Анжелой – темно, стрёмно и грязно до невозможности: на длинный коридор – всего три лампочки на проводах, от пыли свербело в носу. Натянув на нос ворот свитера, я огляделась. А вот насчёт скуки не уверена. На грязном полу чётко проступали чужие следы. Старые, размазанные, точно шедший, шаркая, едва волочил ноги, но определенно... чьи-то.

Достав из кармана янтарные чётки с крупными бусинами, я намотала их на кулак и прошептала наговор, добавляя света. Грубая кирпичная кладка, ключья тёмной паутины на потолке, лёгкий запах гнили и... Остальные амулеты – кольца, браслеты и подвески – молчали, не указывая ни на чужое присутствие, ни на магию, но я им не верила. Даже сквозь толстую шерсть воротника и пыль я ощущала то же, что и в комнате бабушки Анжелы – не тот воздух. И, вероятно, не те у меня амулеты. Слишком слабые... или настроенные на известную нечисть.

На пороге, вглядываясь в душный подвальный сумрак, я боязливо топталась не больше минуты. Сегодня не решусь – завтра тоже. Ничего во мне не изменится, и сила ниоткуда не возьмётся. Как и защита, ибо от чего защищаться, я не знаю. И завтра, и через неделю, и через месяц со мной останется только то, что есть сейчас. Или рискнуть, узнать и

разобраться, или...

И, медленно идя по коридору и прислушиваясь, я снова вспомнила о неизвестной науке нечисти. То, что сотворили с Кариной, думается, не под силу ни одному магически одарённому человеку. Выпивать ведьму досуха не умели даже стародавние. Зато нечисть... С одной стороны, если опираться на знания о *современных* видах, нечисть абсолютно не способна к оборотам и использованию личин. Но с другой...

По сей день где-то прячется и выживает древняя нечисть, которая подлежит истреблению из-за особенностей силы. Раз в сто лет в сибирской глуши вдруг обнаруживается якобы уничтоженная «ящерица», умеющая высасывать силу из любой нечисти, даже из беса, до полного опустошения жертвы. Или «бабочка», а оная распускает сущность человека или слабой нечисти на нити, свивает из них кокон и выходит из него обновлённой – с заимствованной на день-другой внешностью, повадками и частично способностями. И кто знает, что всплывет здесь.

Всплывет... или выйдет из мира мёртвых, когда некропоток наберёт достаточно сил, чтобы мутировать в портал (или его создадут рукотворно). Там-то полно нечисти, которая даже не классифицирована, ибо уничтожалась сразу по появлении, без детального изучения. Порталы открывались редко, но метко – раз лет в пятьдесят-сто очередная безумная отступница решалась, и результаты её опытов отравляли Кругу жизнь надолго. И кто шуршит здесь – нечисть, от-

ступники или все вместе?..

Двери подвальных комнат, зеркально повторяющих жилое пространство дома, были не заперты, и осматривалась я быстро. Включала свет, бегло изучала пыльные нагромождения мебели, косилась на поисковые кольца и шла дальше. От мысли о неизвестной нечисти стало неуютно. Чужие следы тянулись по коридору только прямо, минуя двери, и чем дальше я по ним шла, тем тяжелее становился воздух и беспокойнее делалось на душе. В мозгу вертелось, тревожа, то самое случайное слово – «всплывет». И казалось отчего-то таким знакомым...

Тайник обнаружился в седьмой комнате. Я посмотрела на потолок. Если сейчас я нахожусь под номером Карины, понятно, почему кошка так быстро учуяла схрон. Магия защитных заклятий имеет свойство «расползаться» по стенам, как от пробоины расходятся трещины. И они вполне могли зацепить пол или часть стены верхней комнаты.

Включив свет и отворив скрипучую дверь, я обошла завалы мебели, ориентируясь на серебристое мигание кольца. В одном углу стояло древнее пианино, «украшенное» сверху перевёрнутыми стульями, во втором – стол без одной ножки, а рядом – кривой сервант без створок, в котором пылилось различное старьё: потрёпанные книги, ножка стола, тряпичный мусор. И именно этот мусор резонировал магией. Я провела над ним рукой, пошевелила пальцами, определяя степень опасности, и, не обнаружив оной, немедленно сгребла

тряпки с полки.

Свет погас внезапно. Вось. Проверая комнаты, я оставляла лампочки включенными из обычного человеческого ощущения – если есть свет, то нет опасности. И ошиблась. Свет погас даже на янтарных чётках, и поисковое кольцо, секунду назад возбужденно мигающее, разом потухло. Я замерла, прислушиваясь, но услышала лишь своё сердце, испуганной птицей бьющееся в грудной клетке, и зашумевшую в ушах кровь. Магию амулетов будто выпили.

Медлить я не стала. Сунув чётки в карман, живо сгребла с полки всё, что там было, прижала добычу к груди и помчалась к выходу. Полагаясь на развитое пространственное чутье, сразу нашла дверной проём, пробежала по коридору, взлетела по ступенькам наверх и рванула дверь. Заперто. И так тихо – ни шагов, ничего, только моё сбившееся дыхание... Слишком тихо. И, кажется, изменился воздух. Присев, я положила свои находки на пол и закатала правый рукав свитера, нащупывая браслет. Жаль использовать, но если нет другого выхода... И хоть бы он сработал... Хоть бы выпили только активированную магию...

Воздух сгустился, и показалось, что похолодало. Я ни черта не видела, только ощущала. Вязкую, влажную тьму, сжимающую пространство донельзя. Успокаивающее тепло браслета. И ледяной сквозняк из коридора, идущий по моим следам. За мной. Он медленно взбирался по ступеням, цепляясь за стены, накатывал спазмами, то впиваясь в обна-

жённую кожу рук и лица, то отступая и унося тепло. Ступни в тёплых ботинках окоченели до онемения, мышцы ног одеревенели, пальцы на руках кололо ледяной болью, ресницы при моргании слипались, из носа потекло. И явственно увиделась Карина – ведьма, замурованная в мутный лёд.

Новые инстинкты требовали драпать немедленно – свить странственную петлю, замкнув её на своем номере, а лучше – на своей квартире, и прочь из этого гиблого места. А старые инстинкты боевой ведьмы шептали: жди. Это даже не начало. Это прелюдия. Дождись первого шага – первого движения, чтобы увидеть колдующего, ощутить его, а уже потом беги. Да, может и не сработать, если некто глушит магию. Или – или. Нет смысла паниковать. Но есть смысл подождать. И я замерла, шевеля пальцами. Но дождалась совсем не того, на что надеялась.

В темноте сверкнули белые зеркала глаз, послышался глухой звук прыжка, и в нескольких шагах от меня зарычали, зашипели, закрутились, сцепившись, Руна и... некто. Быстро достав чётки, я прошептала наговор, не особо надеясь на свет, но он появился. Его скудного мерцания хватило лишь на стены... но мне хватило. Оцепенев, я смотрела на тень гигантской кошачьей головы с острыми ушами, мощной нижней челюстью, оскаленными клыками и взъерошенным загривком. И понимала, что это не только игра светотени. Это...

Тень, утробно зарывав, резко наклонилась, пропав во

мраке коридора, и я решила спуститься вниз. Вытянув руку с амулетом, осветила ступени с размазанными чужими следами, шагнула вниз и остановилась. В зыбком круге света на крупном неподвижном теле сидела мелкая и тощая полосатая кошка. Глаза белые, морда в чёрной крови, шерсть дыбом. А рядом с ней стояла Карина. Глаза тоже белые, губы и подбородок в чёрной крови, волосы дыбом... а сияние ярче.

– Не... под... – и мёртвая ведьма сорвалась на хрип, сделала недвусмысленный жест.

Руна глянула на меня исподлобья и зарычала. Её добыча. Не подпустит и не позволит осмотреть.

– Вре...мя... – Карина снова махнула рукой, указывая на дверь.

Конечно... Сила покидает мёртвое тело очень быстро, и если призрак через кошку хочет напиться ею, то медлить нельзя.

Я с сожалением вернулась наверх. Подняла с пола мешанину из тряпок, книг и внезапной ножки стола, толкнула дверь, и она со скрипом открылась. Выйдя, я осмотрела себя. Вся покрыта инеем, абсолютно вся... И невольно прислушалась, но из подвала не донеслось ни звука. Чёрт, он же был так близко – руку протяни... И облегчение сцепилось во мне с сожалением, а благодарность к кошке – с досадой. Мертвеца бы осмотреть – и то хлеб... Но раз желания хозяйки ближе... надеюсь, потом она, в смысле Карина, найдёт силы на пару-тройку нужных слов.

Наверх я подниматься не спешила. Уложила в углу горкой свою добычу, отряхнулась, вытерла рукавами лицо, распустила растрепавшийся хвост и начала плести косу. И только тогда почувствовала, как сильно дрожат руки, с каким трудом управляют со спутанными волосами заиндевевшие пальцы. Нет, нельзя пока людям на глаза показываться...

Как назло, именно в этот момент хлопнула входная дверь, и в коридоре раздались радостные голоса новобрачных. Быстро взвесив «за» и «против», я снова сгребла в охапку добытое добро и юркнула в подвал. И едва успела прикрыть дверь, когда Семён с Вероникой прошли мимо, живо обсуждая прекрасную погоду на завтра и «фотографа». У меня возникло внезапное желание поработать. И побыть среди живых, почувствовав и себя живой.

А подвал уже опустел. Снова «запалив» чётки, я спустилась вниз и внимательно изучила то, что осталось от нападавшего. Размазанные следы, холод, иней на стенах и крупинцы чёрного льда. И всё. И ни клочка одежды, обуви или кожи. Только замёрзшая чёрная кровь и не тот воздух. И, пожалуй, представляя нападавшего, между человеком и нечистью я выберу нечисть. Неизвестную или малоизвестную, запрещённую, выжившую... убившую Карину. И, вероятно, устроившую в городе западню. Да, надо покопаться в истории города. Неизвестная нечисть – это всегда древняя нечисть плюс древний некропоток, связанный с миром мёртвых. Одно к одному.

Достав из заднего кармана джинсов носовой платок, я ногой сгребла разбитый лёд в горку и аккуратно собрала, завернув в ткань. Да, поток некротической энергии и портал в мир мёртвых крайне актуальны. Нечисть – существо стадное. И здесь мутит воду явно не одна особь... и, вероятно, она нуждается в «возрождении нации». Только почему нечисть не ведьмы Круга ловят, а наблюдатели?.. А впрочем, я так «много» знаю, что пора кончать с бесконечными предположениями. А просто искать, находить, проверять и делать выводы.

Успокоившись, я решила вернуться в подвал. Одна ловушка сработала, с треском провалилась, и вряд ли некто рискнёт напасть снова, когда на полу свежи следы страшной расправы. Спускаюсь в другой раз – нарвусь на нечто более неприятное, а не спущусь – буду переживать, что не закончила дело.

Включая свет, я обошла все неизученные комнаты, вернулась к серванту, подобрав с пола пару оброненных в побеге тряпиц и бумажных листов, ничего интересного не обнаружила и, перекрестившись, покинула «гостеприимное» место. Благополучно поднялась наверх и открыла дверь, вышла в коридор и заперла подвал. И поспешила к себе, прихватив и книги, и многострадальную ножку стола, коли подвернулась.

А наверху ждал сюрприз. Неприятный. Зайдя в свой номер и включив свет, я сгрузила на пол добытое, выпрямилась

и напряженно замерла.

Пока я искала один тайник в подвале, кто-то искал другой тайник в моей комнате.

Глава 6

Что если магия – это не то, что выбираешь ты?

Что если она выбирает тебя?

«Мерлин»

Амулеты смолчали, не предупредив о вторжении чужака, но сила в них сохранилась – я чувствовала вибрацию нетронутой защиты. И видела то, что видела – вещи не на своих местах. Три года просидев дома, я привыкла отмечать мелочи, да и наведение порядка стало частью моей жизни – и способом убить время. Поменять вещи местами, посмотреть, что где находится, опять переставить, снова изучить обстановку да пыль несуществующую вытереть... Я занималась этим часами, чтобы побороть хандру и настроиться на работу с амулетами или записями. И сейчас видела – в комнате до меня кто-то был, и это не Ангела с уборкой.

А впрочем... Кто, кроме неё, знал, что я в подвале? Ни когда мы разговаривали, ни спускаясь вниз, я никого не видела. Да, рядом с ней другой воздух не ощущался, как и сейчас в комнате, но и я не всё чуяла – только вредоносное, агрессивное, нападающие. Да, может быть...

Я на автомате расправила смятое покрывало, сдвинула на

край стола ноутбук, распрямила загнутый уголок ковра и заглянула в шкаф, отмечая приоткрытый кем-то чемодан. Задумчиво потеряла щёку и достала из кармана джинсов подковку. Не тебя ли хотели забрать, подруга?.. Незвестный не тронул ни деньги, ни документы – если не считать криво сложенных в стопку дел ведьм, ни амулеты. Поискал и ушёл не солоно хлебавши.

Сунув руку под подушку, я достала амулет – красный язычок бархата, обереговая вышивка золотом. И, включив настольную лампу, поднесла лоскут к свету. Невозможно обойти ведьмовскую защиту, не наследив... Начальный и финальный узелки вышивки потемнели, словно подпаленные. «Гость», указывал оберег, не представлял опасности. Не убивать приходил и ничего не забрал. И ничего лишнего не оставил. Неужто Корифей?..

Позади тихо мяукнула Руна. Обернувшись, я невольно вздрогнула. Кошка отмылась от крови и выглядела как обычно, а вот её хозяйка, тенью замершая рядом с питомицей, смотрелась жутко. Окровавленные губы, тёмные подтёки на подбородке, лихорадочно горящие глаза, скрюченные пальцы, мнущие подол платья.

– Вы хоть понимаете, в кого превратитесь, если переберёте чужой силы? – спросила я тихо. – В безумную мстящую нежить – в хуфию.

– Да, – сипло отозвалась Карина. Вдохнула, тряхнула головой и посмотрела решительно: – Не вы... не началь...ство.

Возьми... Руну. Обещай. Корми. Она... защитит. Забери потом. Обещаешь?

– Конечно, – кивнула я не колеблясь. – Но почему тебя она не спасла?

Руна, оправдываясь, обиженно мяукнула. Хозяйка опустилась на колени и погладила питомицу.

– Не успела. Отражения, – ведьма посмотрела на меня снизу вверх. – Там... правда. То... чего нет. Смотри. Увидишь.

– Кто был в подвале? – я тоже села на ковер. – Кого вы убили?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.